
Влада Ночь
18+
Анатомия лжи
Академии Грейввуд

Влада Ночь

Анатомия лжи академии Грейввуд

https://litres.ru/74929357
SelfPub; 2026

Аннотация

Академия Грейввуд — готический замок, утопающий в туманах и тайнах. Первокурсница Диана Стоун тщательно скрывает свой запретный дар некромантии, но в первую же ночь шепот мертвых приводит её к телу погибшего студента.

Руководство списывает трагедию на несчастный случай, однако Диана находит улику, доказывающую обратное. Чтобы провести расследование и не выдать себя, тихой некромантке приходится заключить опасный союз с Люцианом — дерзким бунтарем боевого крыла. Они слишком разные, чтобы доверять друг другу, но слишком уязвимые, чтобы действовать в одиночку.

В стенах Грейввуда у каждого свои мотивы, а цена ошибки может оказаться смертельной.

Содержание

ГЛАВА 1. Последний поезд в Грейввуд 4
ГЛАВА 2. Церемония распределения 14
ГЛАВА 3. Вкус грозы и старых книг 23
ГЛАВА 4. Шепот из темноты 30
ГЛАВА 5. Анатомия лжи 39
ГЛАВА 6. В капкане у волка 48
ГЛАВА 7. Призрачный след 55
ГЛАВА 8. Хрупкий союз 62
ГЛАВА 9. Архивы Грейввуда 69
ГЛАВА 10. Клык в темноте 77
ГЛАВА 11. Маски сброшены 84
ГЛАВА 12. В лабиринте теней 92
ГЛАВА 13. Замкнутый круг 101
Конец ознакомительного фрагмента. 108

Анатомия лжи академии Грейввуд

ГЛАВА 1. Последний поезд в Грейввуд

Диана

Паровозный гудок разрезал предрассветный туман надтужным, глухим ревом, от которого заложило уши. Поезд, упрямо тащивший за собой цепочку тяжелых угольно-черных вагонов, со скрежетом замедлил ход и замер у перрона, утопающего в серой предрассветной дымке. Из открывшихся дверей хлынул холодный, сырой воздух, пахнущий прелой листвой, мокрой хвоей и чем-то неуловимо древним, отчего на коже мгновенно выступили мурашки.

Я помедлила секунду, прежде чем сделать шаг на обледеневший настил платформы. Пальцы в тонких шерстяных перчатках до боли сжимали потертую ручку старого кожаного чемодана, который достался мне в наследство от деда. Настоящий раритет, с медными углами и треснувшим ремешком — он выглядел чужеродно среди роскошных, окованных

серебром кофров, которые выгружали слуги других первокурсников.

Чемодан был тяжёлым не только от вещей. На самом его дне, завёрнутая в кусок старой мешковины, лежала тонкая тетрадь в потёртой кожаной обложке — единственное наследство деда, которое я поклялась не показывать ни одной живой душе.

В ней были записаны странные, обрывочные строки: «Не всякий, кто зовёт мёртвых, служит тьме. И не всякий, кто служит свету, чист».

Я выучила эти слова наизусть ещё в детстве, но только теперь, стоя на обледеневшем перроне Грейввуда, начала понимать их истинный, пугающий смысл.

Рядом со мной выгружали серебряные кофры и смеялись наследники древних родов, а я судорожно сжимала ручку чемодана так, словно он был единственным якорем, удерживающим меня от падения в бездну.

Я поправила на переносице очки в круглой роговой оправе, которые упорно сползали от сырости, и поглубже зарылась подбородком в воротник своего широкого вязаного свитера. Эта вещь, цвета блеклого оливкового листа, была моей броней. Моим способом сказать этому миру: «Пожалуйста, не смотрите на меня. Меня здесь нет».

Вокруг царил контролируемый хаос. Юные аристократы, одетые по последней моде столицы — в приталенные пальто из дорогого сукна и щегольские шляпы — громко пере-

говаривались, смеялись и обменивались новостями о летних балах.

Их магия, еще не обузданная, то и дело прорывалась наружу случайными искрами: у кого-то над ладонью порхала крошечная огненная бабочка, кто-то заставлял капли тумана застывать в воздухе изящными ледяными бусинами. Они были яркими, уверенными в себе хозяевами этой жизни.

Я же чувствовала себя блеклой тенью, случайно попавшей на этот праздник жизни. Светлые, почти прозрачные волосы, которые я наспех перехватила резинкой на затылке, уже успели напитаться влагой и пушились у лица, мешая обзору.

Ни капли косметики, ни единого украшения — обычная, незаметная девушка, чье поступление в академию Грейвуд до сих пор казалось мне чьей-то грандиозной ошибкой. Или чьей-то злой шуткой. Ведь никто в приемной комиссии не знал, какую именно магию я прячу за своими толстыми стеклами. Магию, от которой кровь стыла в жилах даже у сильных медиумов.

— Эй, осторожнее! — раздался рядом звонкий, чистый голос, и в следующую секунду кто-то мягко врезался в мое плечо.

Я едва удержала равновесие, покачнувшись на скользких досках. Передо мной стояла девушка, чье появление словно разогнало окружающий туман. Яркая, невероятно живая шатенка с копной непослушных каштановых кудрей, которые каскадом рассыпались по плечам её дорогого, но явно

наспех наброшенного темно-синего плаща.

Её щеки горели румянцем от холода, а карие глаза искрились неподдельным, почти детским восторгом. Она держала в руках огромную коробку, из которой восхитительно пахло корицей и свежей выпечкой.

— О боги, прости меня, пожалуйста! Я такая неуклюжая, вечно со всеми сталкиваюсь, — девушка обезоруживающе улыбнулась, и на её щеках появились очаровательные ямочки. — Я Алиса. Поступаю на факультет общей магии. А ты?

— Диана, — тихо ответила я, возвращая очки на законное место. — Тоже общая магия.

— Невероятно! Мы обязаны держаться вместе! — Алиса без лишних церемоний подхватила меня под локоть, и её тепло буквально пробило мою ледяную оборону. — Ты только посмотри на этот замок. Он же выглядит так, словно сошел со страниц готического романа о проклятиях!

Я проследила за её взглядом, и у меня перехватило дыхание. За пеленой тумана, на высоком скалистом утесе, возвышалась академия Грейвуд.

Огромный, пугающий и одновременно величественный замок из темного, почти черного камня. Острые шпили его башен вонзались в свинцовое небо, словно когти гигантского чудовища. Узкие стрельчатые окна казались неживыми глазницами, а тяжелые дубовые ворота, окованные железом, были гостеприимно распахнуты, словно пасть, готовая поглотить нас без остатка.

От этих стен веяло такой древней, подавляющей силой, что мне на мгновение захотелось развернуться и запрыгнуть обратно в уходящий поезд.

Пока мы шли по извилистой каменной тропе вверх к замку, Алиса не умолкала ни на минуту. Она оказалась удивительно легкой, адекватной и приятной собеседницей. В отличие от высокомерных девиц из купе, которые брезгливо косились на мой чемодан, Алиса щедро делилась со мной домашним печеньем из своей коробки и на ходу пересказывала все слухи, какие успела собрать на вокзале.

Она была той самой «душой компании», рядом с которой даже такая нелюдимая особа, как я, переставала чувствовать себя круглой сиротой. Под её безупречной, естественной красотой не было ни капли жеманства или гордости — она была настоящей, и это подкупало.

Наше общежитие располагалось в западной башне. Нам повезло: распределитель выделил нам одну комнату на двоих на третьем этаже. Когда тяжелая деревянная дверь с тихим скрипом отворилась, я вздохнула с облегчением.

Комната оказалась уютной, хоть и мрачноватой. Два массивных дубовых стола у окон, две кровати под тяжелыми балдахинами из темного бархата и огромный камин, в котором уже приветливо потрескивали дрова, разливая по комнате живительное тепло.

— Чур, моя кровать у камина! Я жуткая мерзлячка, — со смехом заявила Алиса, бросая свой роскошный саквояж на

покрывало. — Ты ведь не против, Диана?

— Нисколько, — я улыбнулась, ставя свой чемодан возле кровати у окна. Из него открывался потрясающий, но мрачный вид на старое кладбище академии, раскинувшееся у подножия утеса.

Идеальное место для некроманта, иронично подумала я.

Прошло около двух часов, пока мы раскладывали вещи. Алиса успела развесить свои многочисленные платья, расставить на полке дюжину баночек с ароматными кремами и даже водрузить в центр стола пузатый фарфоровый чайник.

Я же ограничилась парой скромных юбок, несколькими темными блузками и стопкой потрепанных книг по истории магии, которые аккуратно выстроила у изголовья постели.

Когда с обустройством было покончено, Алиса без сил упала на свою кровать, раскинув руки.

— Все, я труп. Если меня не разбудят на ужин, пусть руководство академии само несет мне диплом в постель. Диана, ты как?

— Я в порядке. Хочу немного осмотреться перед церемонией распределения, — соврала я.

На самом деле мне просто жизненно необходим был глоток свежего воздуха и тишина. Моя голова начинала гудеть от непривычно большого количества людей и чужих эмоций.

— Иди, конечно. Только не потеряйся в этих лабиринтах. Говорят, тут половина коридоров меняет направление во время полнолуния, — сонно пробормотала Алиса, укры-

ваясь пледом.

Спустя пару минут её дыхание выровнялось, и девушка уснула, выглядя в этот момент невероятно хрупкой, беззащитной и нежной, словно фарфоровая кукла.

Я тихо прикрыла за собой дверь и вышла в длинный, погруженный в полумрак коридор западной башни. Стены здесь были украшены старинными гобеленами, на которых были изображены сцены великих битв прошлого, а вдоль стен застыли каменные статуи горгулий. Шаги моих старых ботинок гулко отдавались от каменных плит пола.

Я шла без определенной цели, просто позволяя ногам нести меня вперед, пока не оказалась на развилке между жилым блоком и переходом в главный корпус. Из широкого арочного окна лился блеклый дневной свет.

Я подошла ближе, прижавшись лбом к холодному стеклу. Прямо под окнами простирался внутренний двор академии — ухоженный, засаженный вековыми тисами сад, который сейчас казался декорацией к какому-то загадочному спектаклю.

И именно в этот момент я почувствовала *это*.

Странное, леденящее душу ощущение, словно кто-то невидимый провел ледяными пальцами по моему позвоночнику. Воздух вокруг меня внезапно стал тяжелым, плотным, а в ушах раздался едва уловимый, ультразвуковой гул.

Этот симптом я знала слишком хорошо. Так мой дар реагировал на близость того мира, который большинство людей

предпочитали не замечать. Мира мертвых.

Я резко обернулась, ожидая увидеть призрака в пустом коридоре, но позади никого не было. Зато внизу, во внутреннем дворе, послышались громкие голоса. Я снова прильнула к стеклу.

Там, окруженный стайкой хихикающих третьекурсниц, стоял парень. И одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять: передо мной тот самый хулиган и бунтарь, о котором Алиса рассказывала с придыханием.

Он был высоким, широкоплечим, с удивительно ладной, хищной осанкой человека, который привык доминировать.

Антрацитово-черные волосы были растрепаны так, словно он только что сошел с седла несущегося галопом коня, и он небрежным, явно позерским жестом откинул челку назад.

Форменная мантия академии была наброшена на одно плечо, ворот белой рубашки вызывающе расстегнут на две верхние пуговицы, а галстук факультета боевой магии болтался где-то в районе кармана.

Плевать он хотел на устав и дресс-код. На его губах играла ленивая, дерзкая ухмылка человека, который знает, что ему сойдет с рук любое безумство.

Преподаватель, проходивший мимо по дорожке, смерил парня тяжелым, полным опасения взглядом, но ничего не сказал, лишь поспешил пройти мимо. Его боялись. Его авторитет здесь был непререкаем.

Словно почувствовав мое пристальное внимание, брюнет

внезапно замолчал на полуслове, прервав свой разговор с девушками. Его голова резко дернулась вверх.

Я не успела отпрянуть. Наши взгляды встретились сквозь толстое стекло окна третьего этажа.

На таком расстоянии я не могла видеть цвета его глаз, но я буквально кожей ощутила, какими пронзительными, тяжелыми и горячими они были. В них не было человеческого тепла — только дикая, первобытная сила, от которой внутри меня все перевернулось.

Его ухмылка мгновенно растаяла. Парень нахмурился, вглядываясь в мое лицо. Я видела, как его ноздри слегка дрогнули, словно он пытался поймать мой запах даже через закрытое окно.

Обычная девчонка на моем месте покраснела бы, смутилась и убежала. Но во мне проснулось упрямство. Я не шевельнулась. Я стояла у окна, хладнокровно и спокойно глядя на главного красавца академии сквозь стекла своих очков, словно рассматривала любопытный экспонат в музее.

Мы смотрели друг на друга несколько долгих, звенящих секунд. Наконец, парень резко отвернулся, раздраженно дернув плечом, и зашагал прочь от стайки девушек, скрываясь под аркой главного входа.

Я выдохнула, только сейчас заметив, что все это время не дышала. Сердце колотилось в груди как сумасшедшее, а на переносице снова зачесалась кожа от сползающих очков.

«Люциан», — мысленно произнесла я имя, которое услы-

шала от Алисы. Главный кошмар преподавателей и мечта всех студенток… От этого парня лучше всего держаться как можно дальше, чтобы не нажить проблем. И я тут же мысленно поставила для себя галочку, чтобы строго придерживаться данного правила.

ГЛАВА 2. Церемония распределения

Диана

Большой зал академии Грейввуд больше всего напоминал перевернутый киль древнего корабля, вырубленный из цельного куска мореного дуба. Под самым потолком, терявшимся в непроглядной густой тени, парили сотни оплывших восковых свечей. Их неровный, колеблющийся свет выхватывал из темноты массивные каменные арки, тяжелые полотна гобеленов с выцветшими гербами и четыре длинных стола, за которыми уже сидели старшекурсники.

Воздух здесь был пропитан густым ароматом запеченного мяса, яблочного пирога с корицей и едва уловимым, покалывающим кожу озоновым шлейфом — так пахла концентрированная магия сотен юных чародеев, собранных в одном закрытом пространстве.

— О боги, Диана, ты только посмотри на это! — Алиса, шедшая рядом со мной в шеренге первокурсников, восторженно зашептала, едва не наступая мне на пятки.

Её каштановые кудри, которые она так и не додумалась усмирить прической, забавно подпрыгивали при каждом ша-

ге.

— Мне кажется, если я сейчас наколдую хотя бы самую крошечную искру, этот зал просто взлетит на воздух от общего напряжения. Смотри, смотри, это же стол боевого факультета!

Я послушно скосила глаза вправо, незаметно поправляя дужку очков, которая снова норовила соскользнуть с переносицы.

Студенты-боевики выделялись сразу. На фоне строгих темных мантий других факультетов их форменные жилеты были подбиты плотной кожей, а на воротниках тускло поблескивали серебряные нашивки в виде скрещенных клинков.

От их стола веяло шумной, разгульной силой. Парни громко смеялись, демонстрируя друг другу мелкие фокусы с прирученным пламенем, перекатывающимся по костяшкам пальцев, а девушки смеривали нас, новоприбывших, оценивающими, излишне самоуверенными взглядами.

Чуть дальше, в относительной тишине, сидел факультет артефакторики и менталистов. Эти были куда сдержаннее: уткнувшись в блокноты, они чертили какие-то светящиеся схемы прямо на дубовых столешницах или лениво гоняли по воздуху фарфоровые солонки силой мысли.

Мы же — длинная, неровная цепочка напуганных первокурсников — двигались к возвышению, где за длинным столом восседали преподаватели во главе с директрисой, леди

Блэквуд.

Она выглядела под стать своему замку: высокая, сухая, затянутая в глухое черное платье с кружевным воротником-стойкой, который подпирал её подбородок. Её седые волосы были уложены в безупречную, волосок к волоску, корону, а бледные глаза за стеклами прямоугольного пенсне смотрели на нас с холодной, хирургической точностью.

В самом центре помоста, на невысоком постаменте из черного мрамора, покоился главный артефакт академии — «сфера излома». Она выглядела как массивный хрустальный шар, внутри которого, словно пойманная грозовая туча, клубился плотный серый туман. Именно она должна была определить, к какому искусству предрасположена душа каждого из нас.

— Первой вызывается Алиса Вагнер! — звучный, усиленный магией голос замдекана разнесся под сводами зала.

Алиса вздрогнула, её пальцы на секунду судорожно сжали мой локоть, оставив на ткани свитера глубокие складки.

Девушка глубоко вздохнула, расправила плечи своего синего плаща и уверенным, легким шагом направилась к постаменту. Даже сейчас, в условиях всеобщего стресса, она умудрялась выглядеть очаровательно: румянец на бледных щеках, искрящийся взгляд, ни капли вычурной столичной косметики. Истинная, чистая красота, которая заставляла парней за столами оборачиваться ей вслед.

Она остановилась перед сферой, на секунду замешкалась,

а затем решительно опустила ладони на прохладный хрусталь.

Несколько секунд ничего не происходило. Туман внутри шара замер, а затем резко, с глухим хлопком, окрасился в глубокий, насыщенный изумрудный цвет. Из самой сердцевины артефакта вырвались тонкие, светящиеся нити магии земли и целительства, которые ласково обвили тонкие запястья Алисы, словно приветствуя свою хозяйку.

Зал взорвался аплодисментами. За столом факультета естественной магии и исцеления закричали и замахали руками, приглашая её к себе. Алиса обернулась ко мне, просияла белозубой улыбкой и, подмигнув, поспешила занять свое место среди новых сокурсников.

Я осталась стоять в шеренге, чувствуя, как внутри разрастается холодный, липкий ком подступающей паники. Моя очередь приближалась с пугающей скоростью.

Что сделает сфера, когда я коснусь её?

Окрасится в грязный, пепельно-черный цвет некромантии?

Выдаст мой секрет перед всей академией, перед министерскими проверяющими, которые наверняка сидят за преподавательским столом?

Наш дар был запретным. Опасным. Некромантов презирали, считая их осквернителями могил и потенциальными темными магами. Если сфера закричит о моей сути, мое обучение закончится, даже не начавшись.

— Диана Стоун! — выкрикнул замдекана.

Мое имя прозвучало как приговор. Я сделала шаг вперед, чувствуя, как подошвы старых ботинок словно налились свинцом. Шум большого зала мгновенно отдалился, превратившись в невнятный, глухой гул, словно я оказалась под водой.

Я шла по ковровой дорожке, опустив голову, глядя исключительно на носки своей обуви и мысленно умоляя все высшие силы мира дать мне хотя бы каплю магии артефакторики.

Пусть сфера покажет синий. Или хотя бы желтый. Пожалуйста.

Я поднялась на три мраморные ступени. Сфера излома была совсем близко — от неё исходило слабое, едва ощутимое тепло и легкий запах озона. Я занесла руки над хрусталем, но в последний момент, повинуясь какому-то необъяснимому внутреннему импульсу, подняла глаза и посмотрела на столы старшекурсников.

И наткнулась прямо на *него*.

Люциан сидел за столом боевого факультета, вальяжно откинувшись на спинку массивного резного стула. Его мантии по-прежнему не было видно — она так и осталась небрежно брошенной на край стола.

Он сидел в одной тонкой белой рубашке с неизменно расстегнутым воротом, лениво подперев подбородок ладонью. Вокруг него крутились две хорошенькие третьекурсницы,

что-то оживленно щебеча ему на ухо, но он их не слышал. Все его внимание было приковано ко мне.

Его темные, почти черные глаза в упор рассматривали меня из-под пушистых ресниц. В этих глазах горел странный, хищный интерес — тот самый, который я заметила еще во внутреннем дворе.

Его ноздри снова едва заметно дрогнули, словно он пытался уловить флюиды моей магии на расстоянии. На его губах застыла полуухмылка позера, которая, кажется, была его постоянной защитной маской от внешнего мира. Этот парень словно бросал мне вызов одним своим существованием.

«Смотри сколько угодно», — мысленно огрызнулась, упрямо вздернув подбородок. Я демонстративно поправила очки, зафиксировав взгляд на его лице, и в эту же секунду с силой опустила ладони на сферу излома.

Хрусталь под моими пальцами оказался не теплым, а обжигающе ледяным. В ту же секунду серая туча внутри шара бешено завертелась, превращаясь в безумный вихрь. Я почувствовала, как моя истинная, скрытая магия внутри груди испуганно сжалась, а затем, повинуясь зову артефакта, хлынула через ладони прямо в сферу.

Внутри шара начали вспыхивать уродливые, фиолетово-черные искры некромантии. Паника обожгла мои легкие — еще секунда, и шар окрасится в цвет смерти.

Стараясь не смотреть на преподавателей, я зажмурилась

и изо всех сил, какие у меня были, ментально закричала внутрь себя, пытаясь загнать свой некромантский дар обратно, запереть его под замок, выставив вперед лишь ту малую, легальную часть сил, что досталась мне от матери — бытовой телекинез и артефакторику.

«Пожалуйста, изменись. Изменись!» — билось в моей голове.

Сфера излома натужно загудела. Звук был таким, словно стекло вот-вот треснет от внутреннего напряжения. Я открыла глаза.

Черный туман внутри шара метался, словно живое существо, но под моим отчаянным мысленным давлением он начал блекнуть, перетекая в глубокий, чистый васильковый цвет — цвет факультета артефакторики и общей магии. Фиолетовые искры растворились в синеве, оставив лишь легкое, едва заметное марево на самом дне хрусталя.

Я прерывисто выдохнула, чувствуя, как по спине между лопаток катится холодная капли пота. Справилась. Удержала.

— Диана Стоун — факультет общей магии и артефакторики! — объявил замдекана, и в его голосе мне послышалось легкое недоумение, словно артефакт выдал не совсем точный результат.

Леди Блэквуд за преподавательским столом слегка прищурилась, внимательно разглядывая мою согнутую фигуру, но промолчала.

Я поспешно отняла ладони от шара и, едва переставляя дрожащие ноги, направилась к столу своего факультета. Алиса, сидевшая за соседним столом естественников, бурно замахала мне рукой, беззвучно артикулируя губами: «Ты молодец! Пересаживайся ко мне на ужине!».

Я слабо улыбнулась ей в ответ, занимая свободное место на самом краю длинной скамьи, подальше от центра зала. Мне хотелось просто стать невидимой. Исчезнуть среди сотен таких же блеклых мантий.

Но исчезнуть не получалось.

Я кожей чувствовала, что один конкретный взгляд по-прежнему прожигает во мне дыру. Я медленно повернула голову в сторону стола боевого факультета.

Люциан больше не ухмылялся. Его ленивая поза сменилась напряженной, хищной готовностью. Он подался вперед, положив сильные, широкоплечие руки на стол, и его пальцы непроизвольно барабанили по дереву.

Он смотрел на меня так, словно только что увидел, как серая мышь превратилась в ядовитую гадюку. Его глаза сузились, а в глубине зрачков на долю секунды вспыхнул странный, золотистый отблеск — не человеческий, дикий, пугающий.

Он явно почувствовал те фиолетовые искры, которые я так отчаянно пыталась скрыть. Его обоняние или его звериная интуиция подсказали ему, что с этой блондинкой в очках все далеко не так просто, как написано в её бумагах.

Я заставила себя оторвать от него взгляд и уткнулась в свою тарелку, на которую услужливая магия замка уже выгрузила порцию ароматного жаркого. Но еда не шла в горло. Руки до сих пор подрагивали, а внутри всё еще вибрировал леденящий гул мертвой магии, который проснулся во мне во время контакта со сферой.

Церемония продолжалась, зал шумел, Алиса что-то весело обсуждала со своими новыми подругами-целительницами, а я сидела, вжав голову в плечи, и понимала: первый рубеж пройден, но самое страшное только начинается.

Академия Грейввуд приняла меня, но её стены уже начали сжиматься вокруг меня, словно каменный капкан.

ГЛАВА 3. Вкус грозы и старых книг

Люциан

Этот вечер с самого начала отдавал тухлятиной. Терпеть не могу большой зал во время распределения первокурсников. Воздух здесь в такие моменты превращается в тошнотворный коктейль из девчоночьих духов, страха, пота и дешевой столичной пудры. Сотни сопляков, которые еще вчера прятались за маминым юбками, сегодня приехали сюда, чтобы стать «великими магами».

Мой внутренний зверь глухо рычал где-то под ребрами, требуя немедленно покинуть это душное, забитое людьми пространство и уйти в лес, где как раз разгоралась знатная ночная буря. Там, среди вековых тисов и сырой земли, было его место. Но устав академии обязывал старшекурсников боевого факультета присутствовать на церемонии. Демонстрация силы, чтоб её.

Я вальяжно откинулся на спинку резного дубового стула, вытянув длинные ноги под столом. Форменная мантия, которая душила меня одним своим видом, осталась валяться на краю столешницы — пусть комендант подавится своими замечаниями.

Я расстегнул еще одну пуговицу на воротнике рубашки, шумно втянув воздух. Рядом вовсю извивались две девицы с третьего курса артефакторики, кажется, близняшки Селвин. Они что-то восторженно щебетали мне на ухо, наперебой предлагая попробовать запеченные в меду яблоки, но их голоса сливались для меня в невнятный, раздражающий белый шум.

Мое внимание было занято другим. Точнее — *другой*.

Она стояла в самом хвосте шеренги первокурсников, блеклая, словно призрак, и упрямо пыталась слиться со стеной. Блондинка. Хотя нет, не так — её волосы были цвета выцветшего на солнце льна, почти прозрачные, завязанные в какой-то нелепый, растрепанный узел на затылке.

Никакого корсета, никакого дорогого шелка, в который вырядились остальные девчонки. На ней был безразмерный, уродливый оливковый свитер, в котором её хрупкая фигура буквально тонула. И очки. Большие, в круглой роговой оправе, которые она постоянно поправляла тонким, вечно подрагивающим пальцем.

Настоящая серая мышь. Пройди такая мимо меня на улице столицы — я бы даже не повернул головы.

Но сегодня днем, когда я стоял во внутреннем дворе, эта мышь заставила моего волка внутри встать на дыбы.

Я до сих пор помнил это ощущение. Я просто трепался с сокурсниками под аркой, как вдруг по затылку словно полоснуло ледяным ветром. Я поднял глаза и увидел её у окна

третьего этажа. Она смотрела на меня сквозь стекло. Спокойно. Хладнокровно. Трезво. В её взгляде не было ни капли того телячьего восторга или глупого испуга, к которому я привык.

Другие девчонки краснеют и опускают глаза, стоит мне просто скользнуть по ним взглядом, а эта тихоня рассматривала меня так, словно я был червяком под микроскопом. И что самое странное — мой зверь, который обычно плевать хотел на людей, вдруг заскреб когтями изнутри, жадно втягивая ноздрями воздух.

Из окна третьего этажа до меня долетел едва уловимый, но совершенно сумасшедший аромат: морозная хвоя, озон перед сильной грозой и запах старых, пожелтевших книжных страниц. Дикая, невозможная смесь.

— Диана Стоун! — зычный голос замдекана вырвал меня из воспоминаний.

Мышь вздрогнула и сделала шаг вперед. Я подался вперед, положив локти на стол, и подпер подбородок ладонью, не сводя с нее глаз. Парни из моей стаи, сидевшие рядом, удивленно переглянулись — обычно я вообще не смотрел на распределение первокурсников, предпочитая дремать или играть с ножом под столом. Но сейчас я не мог оторваться.

Диана шла к сфере излома так, словно поднималась на эшафот. Голова опущена, плечи втянуты, пальцы судорожно сжаты в кулаки. От нее за версту несло паническим, первобытным страхом. Но это был не тот страх, который испыты-

вают слабаки перед экзаменом. Это был страх человека, который хранит на дне души очень тяжелую, смертельно опасную тайну.

Мой волк внутри напрягся, его уши мысленно прижались к голове. Зверь чуял силу. Чуял что-то, что шло вразрез со всеми законами природы.

Диана поднялась на помост. Перед тем как опустить руки на хрусталь сферы, она внезапно подняла голову.

Наши взгляды снова встретились. Напрямую, без стекол и расстояний. Я лениво ухмыльнулся, включая своего привычного «позера», готовый увидеть, как она наконец-то смутится. Но черта с два. Блондинка лишь упрямее вздернула свой бледный подбородок, медленным, вызывающим жестом поправила очки и опустила ладони на артефакт.

И в ту же секунду мир для меня перевернулся.

Сфера излома, которая до этого мирно выдавала зеленые и синие огоньки, вдруг глухо, натужно завыла. Серый туман внутри нее закрутился в бешеный, яростной вихрь. И прежде чем шар успел окраситься в стандартный синий цвет артефакторики, я увидел то, чего не заметил больше никто в этом зале.

Из самого сердца хрусталя, прямо под ладонями Дианы, вырвались уродливые, фиолетово-черные искры. Они на секунду заволокли дно сферы, и от них повеяло такой замогильной, леденящей тьмой, что у меня на загривке дыбом встала шерсть.

Смерть. От этой девчонки пахнуло настоящей, неприкрытой смертью и сырой, разрытой могильной землей. Некромантия. Запретный, грязный дар, который в нашем королевстве искореняли каленым железом.

Мой внутренний волк взвыл от этого запаха. Для оборотня, существа абсолютной жизни, крови и плоти, некромантия была противоестественна. Это был наш природный враг, сила, способная подчинять живое и поднимать мертвое. Зверь требовал немедленно вскочить, перемахнуть через стол и перегрызть этой бледной девчонке горло, пока её магия не набрала силу.

Я едва удержал себя на месте. Мои пальцы с такой силой впились в край дубового стола, что дерево под ногтями жалобно хрустнуло. Я видел, как лицо Дианы исказилось от дикого напряжения. Она зажмурилась, её губы беззвучно шевелились, и я понял: она борется со сферой.

Эта девчонка, эта «серая мышь» прямо сейчас, на глазах у всего преподавательского состава и директрисы Блэквуд, силой собственной воли ломала и подчиняла себе древний артефакт. Она буквально заталкивала свою некромантскую суть обратно в глотку, выставляя наружу безопасную, легальную артефакторику.

Спустя секунду фиолетовая гниль внутри шара растворилась, уступив место глубокому, чистому васильковому цвету. Зал захлопал, декан общей магии что-то удовлетворенно буркнул, а Диана, едва переставляя дрожащие ноги, поспе-

шила спуститься к своему столу.

Я медленно разжал пальцы. На дубовой столешнице остались глубокие, отчетливые борозды от моих когтей, которые успели на секунду показаться из человеческих пальцев.

Я поспешно убрал руки в карманы, чувствуя, как под кожей все еще ходит ходуном бешеная звериная энергия. Глаза жгло — я знал, что сейчас мои зрачки наверняка отливают диким, золотистым волчьим блеском. Пришлось опустить голову, делая вид, что я увлечен разглядыванием собственной тарелки, чтобы девчонки рядом ничего не заметили.

— Эй, Люциан, ты чего притих? — Кэйден, мой бета и лучший боец курса, толкнул меня локтем в бок. — Смотри, какая цыпочка на естественном факультете. Та, кудрявая шатенка, Алиса кажись. Настоящая конфетка, без пафоса.

— Отвали, Кэйден, — глухо бросил я, даже не повернувшись.

Кудрявая шатенка была действительно симпатичной, но для меня она сейчас была не более чем деталью интерьера. Все мои рецепторы, все мои инстинкты были перегружены той, другой.

Я снова поднял взгляд и нашел Диану на самом краю стола общей магии. Она сидела, вжав голову в плечи своего дурацкого свитера, и невидящим взором смотрела в тарелку с жаркое. Она думала, что обвела всех вокруг пальца. Думала, что её секрет остался похоронен на дне сферы.

Она не знала, что оборотня обмануть невозможно. Мой

нюх до сих пор отчетливо различал её след среди сотен других запахов большого зала. Морозная хвоя, книжные страницы... и едва заметный, пугающий шлейф могильного холода.

Запретная ведьма в стенах академии Грейвуд. Существо, которое мой зверь должен ненавидеть и презирать по праву крови.

Но вместо ненависти под моими ребрами разгоралось совсем другое, темное и опасное чувство. Зверь внутри больше не выл от злости. Он затих, внимательно наблюдая за блондинкой в очках, и внутри меня крепла уверенность: эта тихая девчонка принесет в мою жизнь столько проблем, сколько я не наживал за все свои девятнадцать лет. И самое паршивое — мне чертовски хотелось узнать, какие еще тайны она скрывает за своими толстыми стеклами.

Я лениво потянулся, возвращая на лицо привычную, наглую ухмылку бунтаря, и громко рассмеялся над какой-то глупой шуткой Селвин, намеренно привлекая к себе внимание зала.

Игра началась, мышка. Посмотрим, как долго ты сможешь притворяться нормальной.

ГЛАВА 4. Шепот из темноты

Диана

Ночь опустилась на академию Грейвуд внезапно, словно замок накрыли тяжелым, подбитым сажей бархатным покрывалом. Буря, которая кружила вокруг утеса весь вечер, к полуночи наконец набрала полную силу.

За высокими стрельчатыми окнами нашей комнаты бушевал яростный ветер, швыряя в толстые стекла пригоршни ледяного дождя. Старые тисы во внутреннем дворе стонали и бились ветвями о каменную кладку стен, издавая звуки, удивительно похожие на скрежет человеческих ногтей.

В комнате было тепло, но этот уют казался мне обманчивым, наносным. Камин уже почти прогорел, и на дне очага лениво тлели багровые, похожие на капли запекшейся крови угли. Они отбрасывали на потолок длинные, уродливые тени, которые то сжимались, то растягивались, напоминая шевелящиеся лапы гигантских пауков.

На соседней кровати под тяжелым темным балдахином мирно спала Алиса. Она свернулась калачиком, подложив под щеку ладонь, а её каштановые кудри разметались по подушке. Её дыхание было ровным, безмятежным и чистым.

Счастливица.

Ей сфера излома подарила магию жизни, созидания и исцеления — дар, который приносит покой и свет. Алиса заснула почти мгновенно, едва её голова коснулась постели, перед этим успев со смехом пожаловаться на строгие правила коменданта и слишком пресный соус к ужину. Она была нормальной. Живой.

Я лежала и слушала, как в камине умирает огонь. В такие минуты одиночество становилось особенно острым: рядом спала девушка, которая казалась воплощением тепла и жизни, а я лежала в двух шагах от неё, окружённая холодом, который не мог согреть ни один плед.

Дед говорил, что некромант платит за свой дар двумя вещами — тишиной и одиночеством. Тогда, в детстве, я не понимала этих слов. Теперь понимала слишком хорошо. Я повернулась на бок и посмотрела на спящую Алису: её лицо было безмятежным, как у ребёнка, который ещё не знает, что мир состоит из лжи.

Мне хотелось разбудить её и рассказать всё — про дедову тетрадь, про фиолетовые искры, про то, как мёртвые иногда говорят громче живых. Но вместо этого я лишь поправила край одеяла и снова уставилась в потолок, где плясали уродливые тени.

Чувствовала, как внутри меня тугой струной звенит опасное, лихорадочное напряжение.

Сон не шел. Стоило мне закрыть глаза, как перед мыслен-

ным взором с пугающей четкостью всплывало лицо Люциана. Его хищный, пронзительный взгляд, золотистые искры в глубине зрачков и та пугающая, первобытная грация, с которой он подался вперед за столом боевого факультета.

Оборотень. Дикое, опасное существо, которое, если верить дедовским книгам, должно ненавидеть некромантов на глубинном, инстинктивном уровне. И он определенно что-то почуял.

Мои пальцы непроизвольно сжали край жесткого одеяла. Мне нужно быть втрое осторожнее. Если этот черноволосый бунтарь решит выдать меня директрисе, мне не сносить головы.

Я повернулась на бок, лицом к окну. Очки лежали на прикроватной тумбочке рядом со стопкой учебников, и без них мир за пределами кровати расплывался мягкими, зыбкими пятнами. Дождь продолжал неистово барабанить по стеклу.

И вдруг среди ровного, монотонного шума водяных струй и воя ветра я услышала *это*.

Звук пришел не снаружи. Он родился где-то в самой глубине каменных стен, просочился сквозь половицы и зазвучал прямо у меня в голове — тонкий, вибрирующий, леденящий душу гул.

Воздух в комнате мгновенно остыл. Я увидела, как от моего собственного дыхания в темноте поднялось белое облачко пара. Во рту появился отчетливый, металлический привкус крови, а кожа на затылке зачесалась от внезапного, про-

тивоестественного холода.

— *Ди-а-а-на...*— раздалось из угла комнаты, у самого шкафа.

Это не был человеческий голос. Это был сухой, шуршащий звук, похожий на шелест осенних листьев, которые ветер гонит по могильным плитам. В нем не было воздуха, не было тепла. Только бесконечная, сосущая пустота.

Я замерла, боясь даже вздохнуть. Сердце в груди заколотилось с такой силой, что, казалось, его стук должен был разбудить Алису. Но моя соседка даже не шевельнулась — магия смерти, приходящая из иного мира, надежно усыпляла живых, не причастных к дару.

— *Ди-а-а-на... Приди...*— шёпот повторился, став чуть громче, настойчивее.

На этот раз он донесся уже из замочной скважины нашей входной двери. Какая-то несчастная, заблудшая душа, застрявшая между мирами, звала меня. Просила о помощи. Или манила в ловушку.

Я знала, что должна делать. Мой дед всегда говорил: *«Если мертвые зовут тебя, Диана, закрой уши и читай молитву первозданному свету. Никогда не иди на их зов, иначе они утянут тебя за собой во тьму»*.

Но деда больше не было. А я была заперта в стенах древнего готического замка, который, судя по всему, буквально кишел призраками прошлого. И этот конкретный шепот не просто просил — он вибрировал на той же частоте, что и моя

собственная магия, которую я сегодня так яростно подавляла на церемонии.

Мой дар, запертый внутри груди, рвался наружу, откликаясь на этот леденящий призыв.

Я медленно села на кровати. Протянула руку, нащупала на тумбочке очки и привычным жестом водрузила их на переносицу. Размытый мир обрел четкие, резкие контуры.

Шепот за дверью стал тише, он словно удалялся, уплывая по длинному коридору западной башни в сторону перехода в главный корпус. Он звал меня по имени.

Откуда мертвец знает мое имя? Мы ведь приехали сюда только сегодня.

Повинуясь какому-то необъяснимому, почти гипнотическому импульсу, я спустила ноги с кровати. Пол обжег ступни ледяным холодом. Набросив на плечи свой старый оливковый свитер, который заменял мне домашний халат, я на цыпочках подошла к двери.

Каждая половица под моими ногами казалась миной, готовой взорваться оглушительным скрипом, но я двигалась бесшумно, словно сама уже превратилась в духа.

Я аккуратно нажала на дверную ручку. Замок щелкнул на удивление тихо. Я приоткрыла дверь и выскользнула в темный коридор.

Здесь царил абсолютный, первозданный мрак. Все настенные свечи давно погасли, и единственным источником света были редкие вспышки молний за широкими арочными ок-

нами.

В эти секунды коридор заливал мертвенно-белый, резкий свет, превращая статуи горгулий в застывших, зловещих чудовищ, готовых спрыгнуть со своих постаментов.

— *Сюда... Диана...*— шелест раздался впереди, у самого поворота к винтовой лестнице.

Я шла вперед, прижимаясь спиной к холодным каменным плитам стены. Мое зрение некроманта, активировавшееся против моей воли, начало менять восприятие.

Сквозь толстые стекла очков я видела не просто темноту, а тонкие, едва заметные серые нити, которые тянулись вдоль потолка и стен. Это были эманации старой смерти, остаточные следы тех, кто когда-то умирал в этих стенах за сотни лет существования академии.

Замок Грейвуд был огромным склепом, под завязку набитым тайнами.

Поворот. Еще один коридор, ведущий к переходу между башнями. Ветер здесь гулял вовсю, прорываясь сквозь щели в кладке и заставляя полы моего свитера развиваться.

Шепот вел меня все выше и выше, пока я не оказалась перед тяжелой, обитой железом дубовой дверью, ведущей на астрономическую башню. Дверь была слегка приоткрыта, и из щели дул такой ледяной, пронизывающий ветер, что у меня мгновенно перехватило дыхание.

Я протянула дрожащую руку и толкнула дубовую створку.

Лестница наверх была крутой, узкой и совершенно тем-

ной. Каменные ступени поросли скользким мхом. Я поднималась медленно, держась за влажную стену, чувствуя, как с каждой ступенью леденящий гул в моей голове становится все громче, превращаясь в невыносимый, оглушительный набат.

Мой дар буквально сходил с ума. Магия некромантии пульсировала под кожей, требуя выхода, требуя, чтобы я открыла свои ментальные щиты.

Я сделала последний шаг и оказалась на открытой смотровой площадке астрономической башни.

Буря обрушилась на меня во всем своем неистовстве. Ледяные капли дождя мгновенно залепили стекла очков, лишая меня обзора. Мне пришлось сорвать их с лица и сжать в кулаке, зажмурившись от хлещущего в лицо ветра.

Волосы выбились из узла и мокрыми прядями облепили щеки и шею. Земля внизу, на головокружительной высоте, тонула в непроглядной черной бездне.

Я вытерла глаза ладонью и заставила себя посмотреть вперед, фокусируя зрение медиума без очков, напрямую через магические потоки.

У самого края каменной балюстрады, прямо над обрывом, клубился плотный, неестественно белый туман. Он не рассеивался от яростных порывов ветра, а наоборот — сжимался, обретая человеческие контуры. Из этого пепельного марева медленно проступали очертания мужской фигуры в форменной мантии академии.

Я сделала шаг вперед, и в этот момент очередная ослепительная вспышка молнии расколола небо над замком.

Белый, фосфоресцирующий свет на секунду осветил площадку. И в этом свете я увидела лицо призрака.

Это был парень. Высокий, красивый, с правильными аристократическими чертами лица, которые сейчас казались высеченными из серого льда. Его глаза были широко распахнуты, но в них не было зрачков — только сплошная, клубящаяся серая пустота.

Форменная мантия была разорвана на груди, и оттуда, вместо крови, струились тонкие, светящиеся фиолетовые нити угасающей магии жизни.

На его шее отчетливо виднелись жуткие, глубокие следы, похожие на отпечатки человеческих пальцев, которые сжимали его горло с невероятной, неестественной силой.

Призрак посмотрел прямо на меня. Его ледяной взгляд прошил меня насквозь, приковывая к месту. Его призрачные губы зашевелились, и в моей голове, заглушая вой бури, раздался его крик — полный отчаяния, боли и предсмертного ужаса:

— Тот, у кого моё сердце, откроет Врата... Диана, ищи полумесяц!..

В ту же секунду призрачная фигура парня дернулась назад, словно её со страшной силой потянуло в бездну за краем балюстрады. Он протянул ко мне прозрачную руку, беззвучно умоляя о чем-то, и в следующее мгновение растворился

в воздухе, распавшись на тысячи серых, гаснущих искр.

Леденящий гул в моей голове резко оборвался. Мир вокруг снова стал обычным: бушевала буря, выл ветер, хлестал дождь.

Я осталась стоять посреди площадки, тяжело дыша и прижимая к груди мокрый свитер. Рука, сжимавшая очки, дрожала так сильно, что я едва не выронила их на каменный пол.

Эрика убили. Лучшего студента старшего курса, о котором сегодня за ужином с таким восхищением шептались первокурсники.

Его убили прямо здесь, несколько часов назад, и его несчастная душа пришла ко мне, потому что я была единственной в этой проклятой академии, кто мог его услышать.

«Тот, у кого моё сердце... Ищи полумесяц».

Я поспешно натянула мокрые очки на глаза. Мир вернулся в фокус, но легче от этого не стало. Я развернулась и бросилась бежать вниз по темной лестнице, прочь от этой проклятой башни, чувствуя, как затылок все еще жжет леденящий поцелуй смерти.

Расследование, которого я так отчаянно хотела избежать, само нашло меня в первую же ночь. И теперь пути назад не было.

ГЛАВА 5. Анатомия лжи

Диана

Утро принесло с собой обманчивое, холодное спокойствие. Ночная буря утихла, оставив после себя лишь тяжелые серо-свинцовые облака, низко зависшие над шпилями академии, и хрустальные капли дождевой влаги, застывшие на колючих ветвях тисов во внутреннем дворе.

Я проснулась задолго до рассвета. Точнее, я так и не смогла сомкнуть глаз после того, как вернулась со смотровой площадки астрономической башни.

Мой свитер, наспех брошенный на спинку стула, все еще оставался влажным, а в воздухе комнаты, как мне казалось, до сих пор витал едва уловимый, леденящий запах могильной земли — шлейф призрака Эрика.

Я сидела на кровати, поджав колени к груди, и без остановки протирала стекла своих очков краем сухой простыни. Стёкла были чистыми, но мир вокруг всё равно казался мне зыбким, треснувшим изнутри.

— Диана, ты чего так рано вскочила? — Алиса сонно потянулась на своей постели, сладко зевнув.

Её каштановые кудри после сна превратились в абсолют-

но пушистое, забавное облако. Она зажмурилась от блеклого утреннего света, струящегося из окна, и мягко улыбнулась.

— До завтрака еще целых полчаса. Там, кажется, сегодня дают черничные пироги. Пойдем пораньше, чтобы занять лучшие места?

— Да, конечно, — мой голос прозвучал на удивление глухо и сухо.

Я поспешно натянула очки на переносицу, пряча за их толстыми стеклами темные тени от бессонной ночи.

— Я просто... долго не могла уснуть из-за грозы.

Алиса понимающе кивнула, спустила ноги с кровати и принялась напевать какую-то легкую столичную мелодию, доставая из шкафа свою свежую форменную мантию.

Она выглядела такой невинной, такой гармоничной в своей утренней рутине, что на секунду мне безумно захотелось стать ею. Простой студенткой естественного факультета, которая думает только о лекциях, оценках и черничных пирогах. Не некромантом, в чьей голове до сих пор эхом отзывался предсмертный крик убитого парня: *«Ищи полумесяц...»*

Но иллюзия мирной студенческой жизни разбилась ровно в тот момент, когда мы вышли в большой зал.

Вместо привычного утреннего шума, звона столовых приборов и веселого смеха под сводами из мореного дуба царила гнетущая, леденящая тишина.

Студенты всех четырех факультетов сидели за своими

столами, но никто не прикасался к еде. Они сбились в тесные кучки, перешептываясь и испуганно поглядывая на преподавательский помост.

За столом боевого факультета царило особое, мрачное оживление. Парни-боевики сидели с каменными лицами, их челюсти были сжаты, а Кэйден, которого я запомнила со вчерашнего дня, злобно крутил в пальцах пустой серебряный кубок.

Люциана среди них не было. Его место на краю скамьи пустовало, и это почему-то заставило мое сердце обеспокоенно колыхнуться.

— Что происходит? — Алиса испуганно прижалась к моему плечу, её пальцы крепко ухватились за рукав моей мантии, и её фарфоровая кожа заметно побледнела. — Почему все такие... притихшие?

Я не успела ответить. Из-за преподавательского стола медленно поднялась директриса, леди Блэквуд.

Сегодня её черное закрытое платье казалось еще более строгим, а кружевной воротник-стойка словно намертво сковывал шею. Бледное, иссеченное тонкими морщинами лицо директрисы напоминало посмертную маску, высеченную из белого мрамора.

Она поправила прямоугольное пенсне и подняла сухую ладонь, призывая зал к абсолютному вниманию. Хотя тишина и так была такой, что слышно было, как трещат свечи под потолком.

— Студенты академии Грейвуд, — её голос, усиленный заклинанием, прозвучал под готическими сводами холодно, ровно, без единой лишней эмоции. Так зачитывают сухие приговоры или инвентарные списки. — Наше утро омрачено трагическим известием. Прошлой ночью, во время свирепствовавшей ночной бури, произошел несчастный случай.

Я замерла, почти перестав дышать. Пальцы судорожно сжали край стола.

— Эрик Торн, студент выпускного курса боевого факультета, нарушил правила комендантского часа, — продолжала леди Блэквуд, и её глаза за стеклами пенсне оставались абсолютно мертвыми. — К сожалению, в условиях штормового ветра и нулевой видимости он поднялся на открытую площадку астрономической башни. По предварительному заключению медицинского крыла, из-за сильного порыва ветра и неосторожности Эрик потерял равновесие. Он сорвался с высоты. Смерть наступила мгновенно.

По залу пронесся коллективный, тяжелый вздох. Несколько первокурсниц всхлипнули. Алиса рядом со мной тихо ахнула, прикрыв рот ладонью.

— Руководство академии уже известило министерство магии, — ровный голос директрисы продолжал методично вбивать гвозди в анатомию этой чудовищной лжи. — Это огромная потеря для всех нас. Эрик был лучшим учеником курса, гордостью Грейвуда. Но я призываю вас сохранять благоразумие. Следственная комиссия не обнаружи-

ла никаких следов стороннего вмешательства или признаков чужой магии. Это трагическая, нелепая случайность, вызванная пренебрежением правилами безопасности. В связи с этим в академии вводится усиленный патруль. Любые прогулки после отбоя будут караться немедленным исключением. Завтрак окончен. Расходитесь по аудиториям согласно вашему расписанию.

Леди Блэквуд села на свое место, и преподаватели вокруг неё принялись негромко обсуждать какие-то бумажные дела, словно ничего экстраординарного не произошло. Дело закрыто. Смерть списана на бурю.

«Они лгут», — эта мысль запульсировала в моих висках с яростной, обжигающей силой.

Лгут в лицо сотням студентов. Лгут, чтобы защитить репутацию академии, чтобы не поднимать панику, чтобы скрыть, что прямо под их носами, в этих защищенных древней магией стенах, бродит расчетливый, жестокий убийца.

Ведь я видела Эрика. Видела его призрака всего несколько часов назад на той самой башне. Я видела глубокие, синевато-черные следы пальцев на его шее. Видела вырванную с мясом мантию на груди, откуда сочились фиолетовые нити угасающей жизни.

Его не сбросил ветер. Его душили. Его убивали с дикой, неестественной силой, а затем просто столкнули вниз, инсценируя падение. И самое главное — у него забрали что-то невероятно важное. *«Тот, у кого моё сердце, откроет Вра-*

та...»

— Боже мой, какая ужасная смерть, — Алиса шла рядом со мной по коридору в сторону аудитории артефакторики, её голос дрожал от подступающих слез.

Девушка то и дело поправляла свой синий плащ, словно пыталась согреться.

— Эрик ведь был таким талантливым. Я слышала о нем, когда только подавала документы. Говорили, он мог стать сильнейшим боевым магом поколения. Как же так... просто оступиться на башне?

— Да... просто оступиться, — тихо повторила я, глядя прямо перед собой.

Стена лжи руководства была монолитной. Если я сейчас приду к леди Блэквуд и скажу: «Знаете, я тут ночью общалась с призраком Эрика, и он сказал, что его убили», меня в ту же секунду скрутят и отправят в подземелья министерства как незарегистрированного, опасного некроманта.

Мертвым в этом мире никто не верил. А живые верили только официальным бумагам с гербовыми печатями.

— Алиса, иди вперед, займи нам места, — сказала я, останавливаясь у поворота к главному переходу. — Я забыла в комнате свой блокнот для чертежей рун. Я быстро, одна нога здесь, другая там.

— Хорошо, только не опоздай, профессор Вейн очень строг к первокурсникам, — Алиса мягко улыбнулась, хоть в её глазах всё еще стоял испуг, и поспешила дальше по кори-

дору, скрываясь в потоке студентов.

Как только её фигура растворилась в толпе, я резко развернулась и побежала в противоположную сторону. Блокнот был у меня в сумке. Но мне нужно было совсем другое.

Мне жизненно необходимо было вернуться к астрономической башне сейчас, днем, пока место преступления еще не запечатали окончательно, и попытаться найти хоть что-то, что упустила или намеренно скрыла следственная комиссия академии.

Я быстро миновала жилой блок западной башни, поднялась по знакомой винтовой лестнице, чувствуя, как сердце колотится о ребра, словно пойманная птица.

Дверь на смотровую площадку была приоткрыта — точно так же, как и ночью. Странно. Руководство должно было запечатать её в первую очередь.

Я аккуратно толкнула тяжелую дубовую створку и вышла на открытый воздух.

При дневном свете площадка башни выглядела иначе, но от этого не становилась менее жуткой. Серый камень балюстрады был мокрым от дождя. На полу блестели лужи.

Я медленно пошла вперед, внимательно вглядываясь в каждый сантиметр каменных плит сквозь свои очки. Без магии некромантии, которую я сейчас держала под жесточайшим ментальным замком, я была лишь обычной девушкой, ищущей зацепки.

Я подошла к тому самому месту, где ночью клубился при-

зрачный туман Эрика. Прямо у края каменного ограждения, на стыке плит, я заметила нечто странное. Вода в этой луже была не прозрачной, а слегка мутноватой, с легким, едва заметным маслянистым блеском.

Я опустилась на корточки, не заботясь о том, что пачкаю подол мантии о мокрый камень. Поправив очки, я наклонилась почти к самой воде. Мой нос, хоть и не обладал чуткостью оборотня, уловил странный, резкий шлейф, который никак не мог принадлежать обычной дождевой воде.

Это был запах дорогого табака, терпкого вишневого парфюма и... чего-то животного, дикого, пахнущего мокрой шерстью. Запах дикого леса.

Точно такой же запах я почувствовала вчера днем, когда Люциан прошел мимо меня во внутреннем дворе.

Внутренности мгновенно скрутило ледяным узлом. Люциан. Оборотень. Главный хулиган боевого факультета, который вчера на распределении так яростно буравил меня своим хищным взглядом с золотыми искрами.

Эрик тоже был боевиком. Они были соперниками. И на теле Эрика были следы диких, неестественно сильных пальцев.

— И что мы здесь ищем, мышка? — раздался за моей спиной хриплый, насмешливый голос, от которого у меня перехватило дыхание.

Я резко вскочила, едва не потеряв равновесие на скользких плитах. Сердце ушло в пятки.

У самой двери, прислонившись спиной к каменному косяку, стоял Люциан. На нем по-прежнему не было мантии — лишь черная форменная жилетка поверх белой рубашки со все так же расстегнутым воротом.

Черные растрепанные волосы были слегка влажными от тумана, а в руке он лениво крутил какой-то серебряный предмет. На его губах играла дерзкая, опасная ухмылка позера, но взгляд темных глаз был холодным, пронзительным и абсолютно трезвым. Он смотрел на меня так, словно загнал добычу в угол, из которого не было выхода.

ГЛАВА 6. В капкане у волка

Люциан

Девчонка стояла на коленях в луже, прямо на том месте, откуда этой ночью сбросили Эрика, и выглядела до смешного нелепо.

Подол её казенной мантии общей магии уже насквозь пропитался грязной дождевой водой, светлые волосы растрепались от ветра, а огромные круглые очки едва не съезжали с кончика носа.

Тихая, бледная первокурсница, которая должна была сейчас сидеть на лекции по теории рун и прилежно записывать за преподавателем каждое слово. Но вместо этого Диана Стоун приползла на место преступления. Туда, куда её никто не звал.

Туда, где обычные люди бледнели и падали в обморок от одного взгляда вниз, на головокружительную высоту скалистого утеса.

Мой зверь внутри глухо, предостерегающе зарычал, натягивая невидимые поводья контроля. Он учуял её еще на подходе к винтовой лестнице. Этот сумасшедший, ни на что не похожий запах: морозная хвоя, сухие книжные страницы и

тонкий, едва уловимый шлейф замогильного холода, от которого у любого нормального оборотня шерсть на загривке вставала дыбом.

Она пахла некромантией. Запретной, мертвой магией. Но вместе с тем от неё исходило такое концентрированное, чистое упрямство, что волку внутри меня это чертовски нравилось.

Я лениво крутил в пальцах серебряный портсигар Торна, который нашел в щели между плитами за пару минут до её прихода.

Эрик был не просто лучшим боевиком курса. Он был моим единственным достойным соперником в академии. Сильный, хваткий, суровый парень с загадочным прошлым, который никогда не лез за словом в карман.

И то, что леди Блэквуд утром попыталась скормить залу эту чушь про «несчастный случай» и «порыв ветра», разозлило меня сильнее, чем сорванная ночная охота.

Боевые маги его уровня не падают с башен из-за ветра. Их не уносит штормом. Эрика убили, и убийца был чертовски силен, раз смог застать Торна врасплох и задушить его голыми руками до того, как тот успел выпустить свое хваленое боевое пламя.

— И что мы здесь ищем, мышка? — я намеренно сделал голос как можно более хриплым и насмешливым, нарушая тишину площадки.

Диана вздрогнула так, словно её ударило разрядом мол-

нии. Она резко вскочила, едва не поскользнувшись на мокром камне, и резко обернулась ко мне.

На её бледных щеках мгновенно расцвели две пунцовые розы — то ли от испуга, то ли от злости. Она судорожно поправила свои нелепые очки, уставившись на меня во все глаза. Её маленькие кулачки сжались, а грудь под безразмерным свитером тяжело и прерывисто вздымалась.

Она боялась меня. Я видел, как дрожат её тонкие запястья, слышал, как бешено, со скоростью испуганной птицы, колотится её сердце в девичьей груди. Мой слух оборотня улавливал этот ритм с пугающей четкостью.

Но она не закричала. Не побежала к выходу. Вместо этого в её серых, скрытых за толстыми стеклами глазах мелькнуло то самое хладнокровное, упрямое выражение, которое я заметил еще вчера во внутреннем дворе.

— Я... я просто осматривала замок, — её голос слегка дрогнул на первой ноте, но она быстро взяла себя в руки, выпрямляя спину. — В уставе академии не написано, что первокурсникам запрещено подниматься на астрономическую башню в дневное время.

— В уставе много чего не написано, мышка, — я медленно оттолкнулся от каменного косяка двери и сделал шаг вперед, сокращая расстояние между нами.

Мои шаги были бесшумными, хищными. Я шел к ней так, словно волк выслеживал добычу на заснеженной поляне.

— Например, там не написано, что делать студенткам, ко-

торые суют свой любопытный нос в чужие дела вместо того, чтобы сидеть на занятиях. И уж точно там нет ни слова о первокурсницах, которые пытаются обмануть сферу излома на глазах у всего совета магов.

При этих словах Диана заметно побледнела. Вся краска мгновенно сошла с её лица, оставив лишь фарфоровую, почти прозрачную кожу.

Она сделала шаг назад, упираясь поясницей в холодную каменную балюстраду башни. Дальше отступать было некуда — позади неё была лишь черная бездна обрыва и далекие, острые камни подножия утеса.

Я остановился в каком-то полушаге от неё. На таком расстоянии я мог видеть каждую крошечную ворсинку на её глупом оливковом свитере, мог чувствовать жар, исходящий от её тела, и видеть, как расширяются её зрачки за стеклами очков.

Я намеренно наклонился чуть ближе, нависая над ней всей своей массой, и опустил ладони на каменное ограждение по обе стороны от её талии, фактически запирая её в капкан между своими руками и обрывом.

Позер? Возможно. Но это был лучший способ выбить из нее спесь и заставить говорить правду.

— Скажи мне, Диана Стоун, — я понизил голос до вкрадчивого, опасного шепота, от которого у обычных девчонок подкашивались колени. — Что ты здесь вынюхиваешь? Ты ведь была здесь ночью, верно? Мой зверь до сих пор чувству-

ет твой след на этих ступенях. Ты пришла сюда сразу после того, как все закончилось. Зачем?

Диана замерла, оказавшись в ловушке. Её лицо было совсем близко от моего — я видел, как мелко подрагивают её ресницы, и как она упрямо сжимает свои бледные губы, отказываясь отвечать.

Девушка перевела взгляд с моих глаз на мои руки, которые удерживали её у балюстрады. На моих запястьях, чуть выше манжет белой рубашки, отчетливо виднелись свежие, глубокие царапины, которые я получил этой ночью, когда продирался сквозь густые заросли колючего тиса в погоне за призрачным следом убийцы.

И тут я заметил, как её взгляд изменился. В нем не было страха перед хулиганом. В нем появилось жуткое, леденящее подозрение. Она смотрела на мои поцарапанные руки так, словно видела перед собой палача. Словно она уже вынесла мне приговор.

Она думала, что это я. Думала, что я — оборотень, бунтарь, которого боятся преподаватели — задушил Эрика Торна и сбросил его вниз.

Мой волк внутри оскорблено зарычал. Оборотни стаи Грейвуд могли быть дикими, могли нарушать правила и драться до первой крови, но мы никогда не убивали исподтишка. Мы не душили своих сокурсников в темноте ради грязных тайн.

— Это ты, — её шепот был едва слышным, но он прозву-

чал среди тишины башни как выстрел.

Она смотрела на меня сквозь свои очки прямо, без страха, с какой-то обреченной, сумасшедшей смелостью.

— Это твои руки. На теле Эрика... там остались следы. Его душили с неестественной силой. И здесь пахнет твоим парфюмом, Люциан. Запах грозы и шерсти. Ты был здесь ночью. Ты убил его.

Я почувствовал, как внутри меня закипает настоящая, яростная волчья злость. Мои пальцы сильнее впились в камень балюстрады, так, что когти едва не прорезали перчатки.

Эта девчонка была либо абсолютно безумна, либо невероятно глупа, раз решила предъявить обвинение в убийстве самому опасному студенту академии, находясь с ним один на один на высоте птичьего полета.

— Осторожнее со словами, мышка, — мой голос стал тихим и опасным, как рычание зверя перед прыжком. — Ты понятия не имеешь, с кем играешь. Если бы я хотел убить Торна, я бы сделал это открыто, на тренировочном ринге, на глазах у всей академии. И уж точно я бы не стал оставлять здесь свои следы.

Я подался еще ближе, так что наши дыхания смешались в холодном воздухе башни.

— Но что самое интересное... откуда *ты*знаешь, что на его шее остались следы пальцев, Диана? — я прищурился, ловя её испуганный взгляд. — Леди Блэквуд утром ясно сказала: несчастный случай, падение с высоты. Тело унесли в

медицинское крыло еще до рассвета под замком и ключом. Обычная первокурсница никак не могла видеть его раны. Если только... ты не видела само убийство. Или если мертвецы сами не рассказали тебе об этом.

Диана судорожно вздохнула, попытавшись вжаться в каменное ограждение еще сильнее, но отступать было некуда.

Её секрет, её тщательно оберегаемая магия некроманта, только что дала огромную, непоправимую трещину прямо передо мной.

Мой зверь внутри торжествующе замер, чувствуя, что мы поймали эту скрытную блондинку на крючок. Она знала то, чего не должен был знать никто. И теперь ей придется со мной объясниться, хочет она этого или нет.

ГЛАВА 7. Призрачный след

Люциан

Холодный ветер с обрыва швырнул в лицо горсть колючей водяной мороси, но я даже не моргнул. Вся моя сущность, каждый натянутый до предела нерв сейчас были сфокусированы на девчонке, зажатой между моими руками и каменной балюстрадой башни.

Диана Стоун застыла, словно изваяние из серого льда. Её бледные губы были плотно сжаты, а за толстыми стеклами круглых очков метались отчаянные, лихорадочные мысли.

Она понимала, что прокололась. Прокололась так глупо и беспощадно, как это бывает только с набожными отличницами, решившими поиграть в опасные игры.

— Ну же, мышка, я жду, — я чуть наклонил голову, позволяя растрепанным черным прядям упасть на лоб.

Моя наглая, позерская ухмылка вернулась на место, хотя внутри меня все вибрировало от глухого волчьего рыка.

— Откуда такие анатомические подробности? «Следы пальцев на шее»... «Неестественная сила»... Ты ведь не пробиралась в закрытый морг лазарета между лекциями, верно? Для этого у тебя слишком тонкие запястья и слишком зако-

непослушное лицо. Значит, остается одно из двух. Либо ты стояла в темноте и смотрела, как Эрик летит вниз... либо ты видишь то, чего не видят нормальные живые маги.

Она молчала. Только её сердце, бившееся под оливковым свитером со скоростью обезумевшего маятника, выдавало её с потрохами.

Я слышал этот частый, прерывистый стук. Слышал, как со свистом застревает воздух в её горле.

Обычные девчонки в такие моменты начинают плакать, звать на помощь или нести чепуху про то, что им «просто показалось». Но Диана не была обычной. В её серых глазах, прямо за барьером из оптических стекол, разгоралось чистое, концентрированное упрямство, которое встречается только у тех, кому больше нечего терять.

— Я ничего не скажу тебе, Люциан, — её шепот прозвучал на удивление твердо, хоть я и чувствовал, как мелко дрожит всё её тело от близости моего зверя. — Твои руки в царапинах. От тебя пахнет местом преступления. Ты — первое, на что указывает любая логика. И если ты думаешь, что твоя репутация хулигана, которого боятся даже преподаватели, заставит меня замолчать, то ты ошибаешься.

— Логика? — я тихо, хрипло рассмеялся, подаваясь еще ближе, так что мы едва не соприкоснулись кончиками носов. — К черту логику, мышка. Логика — это для менталистов и артефакторов, которые прячутся за своими бумажками. В реальном мире, где правят клыки и когти, значение имеют

только инстинкты. И мои инстинкты прямо сейчас кричат, что передо мной стоит ходячий труп. Вернее, та, кто с этими трупами возится.

Я намеренно протянул руку и медленно, едва касаясь, провел указательным пальцем по металлической оправе её очков, заставив Диану испуганно дернуть головой.

— На распределении сфера излома едва не треснула. Все девчонки смотрели на огоньки, а я смотрел на твои пальцы. Из-под них лезла фиолетовая гниль, Диана. Запретная, грязная магия смерти. Ты ведь некромантка, верно? Незарегистрированная ведьма, пробравшаяся в академию под видом блеклой мыши. Знаешь, что леди Блэквуд сделает с тобой, если я просто намекну ей на твои истинные таланты? Тебя не просто исключат. Тебя запрут в казематах министерства до конца твоих дней, чтобы ты не оскверняла землю своим дыханием.

Я ждал, что после этих слов её оборона окончательно рухнет. Ожидал мольбы о пощаде или слез. Но Диана Стоун сделала нечто такое, отчего мой внутренний волк испуганно отпрянул обратно в глубину сознания.

Она резко, с силой подняла свои маленькие ладони и уперлась ими в мою грудь, пытаясь оттолкнуть. Ткань моей рубашки мгновенно пропиталась могильным холодом, исходившим от её пальцев. Но хуже было другое.

Диана посмотрела не на меня. Её взгляд сквозь очки внезапно расфокусировался, скользнул мимо моего лица и за-

мер где-то за моим левым плечом. Её зрачки расширились до такой степени, что радужка превратилась в узкие серые ободки.

Лицо девчонки мгновенно утратило все остатки живого румянца, став белым, как погребальный саван.

— Люциан... — её голос изменился.

Из него исчезла злость, исчез страх перед хулиганом. Теперь в нем звучал леденящий, первобытный ужас, от которого у меня самого по спине пробежала волна колючего холода.

— Сзади тебя... Он... Он смотрит на тебя.

— Хватит разыгрывать дешевые столичные фокусы, мышка, — огрызнулся я, но мой зверь внутри вдруг затих, а шерсть на загривке медленно, волосок за волоском, поползла вверх.

Воздух на площадке астрономической башни внезапно стал густым, тяжелым, словно его накачали болотной сыростью. Монотонный шум дождя и завывание ветра отдалились, превратившись в глухой, ватный гул.

Мои ноздри, способные различить тысячи оттенков запахов, вдруг поймали резкий, удушливый шлейф: гнилая вода, увядшие цветы и... лед. Чистый, неестественный лед посреди теплой осени.

Я медленно, преодолевая странное оцепенение в мышцах, повернул голову назад через плечо.

Там, где секунду назад была лишь пустая дождевая дымка над обрывом, теперь клубилось плотное, пепельно-серое

марево.

Оно не рассеивалось от ветра. Напротив, туман сжимался, выстраивая ломаные, уродливые контуры человеческого тела. Из этой грязно-белой взвеси медленно проступало лицо Эрика Торна.

Его призрачная фигура висела прямо в воздухе над балюстрадой. Глаза покойника были широко распахнуты, но в них не было живого блеска, а только клубящаяся, пустая серая мгла.

Разорванная на груди мантия обнажала жуткую, рваную рану, из которой вместо крови струились призрачные, тускло светящиеся фиолетовые нити. Но страшнее всего было то, что призрак тянул свои прозрачные, ледяные руки к моей шее.

От его пальцев во все стороны расходились волны осязаемого, парализующего холода, от которого мои мышцы словно налились свинцом.

— *Убийца...*— не человеческий, сухой, шуршащий звук раздался прямо в моей голове, заставив волка внутри завыть от бессильной ярости. — *Ты... принес... смерть...*

Я попытался сделать шаг назад, разорвать это ментальное давление, но призрачная магия сковала меня по рукам и ногам.

Зверь рвался наружу, требуя трансформации, требуя выпустить когти и разорвать эту тварь, но обычное физическое оружие было бесполезно против духа. Холод подбирался к

самому сердцу, выкачивая из меня силы.

— Эрик, остановись! Это не он! — звонкий, отчаянный крик Дианы разорвал мертвенную тишину башни.

Я увидел, как девчонка, преодолевая собственный страх, шагнула вперед. Она сорвала с лица очки, и её глаза без фильтров вспыхнули глубоким, пугающим фиолетовым светом.

Она вскинула руки, и от её ладоней потянулись тонкие серые цепочки некромантской магии. Эти цепочки с тихим свистом обвили призрачные запястья Торна, удерживая его на расстоянии от меня.

— Он не убивал тебя, Эрик! — кричала Диана, её лицо исказилось от дикого ментального напряжения, а по бледной щеке покатилась крупная слеза. — Его магия другая! Тот, кто задушил тебя, был слабее, но хитрее. Вспомни! Вспомни, что ты сказал мне ночью! *«Тот, у кого моё сердце, откроет Врата...»*Вспомни полумесяц!

Призрак Торна дернулся, его пустые серые глазницы уставились на Диану. Цепочки её магии натянулись, вибрируя от колоссального сопротивления.

Мертвец издал глухой, надрывный стон, от которого задрожали каменные плиты под нашими ногами. Его ледяные руки, тянувшиеся к моему горлу, медленно опустились. Фигура покойника начала блекнуть, терять очертания, словно туман растворялся в потоках дневного света.

Еще секунда — и с оглушительным, беззвучным хлопком

дух Эрика распался на тысячи мелких пепельных искр, которые тут же унес яростный порыв ветра.

Оцепенение сошло с моего тела так же внезапно, как и появилось. В легкие хлынул сырой, теплый воздух. Я тяжело выдохнул, едва удержавшись на ногах, и оперся рукой о холодную балюстраду. Сердце колотилось в груди как бешеное.

Диана Стоун стояла в паре шагов от меня, тяжело и прерывисто дыша. Фиолетовое свечение в её глазах погасло, вернув им привычный серый цвет.

Её руки тряслись так сильно, что она никак не могла натянуть дужку очков обратно на ухо. Оливковый свитер насквозь промок от дождя, а светлые волосы облепили лицо. Она выглядела слабой, беззащитной и истощенной.

Но я смотрел на нее и понимал: эта «серая мышь» только что спасла мне жизнь. Спасла, использовав свой запретный, пугающий дар, который я еще минуту назад обещал сдать руководству.

Мой внутренний зверь утих, свернувшись калачиком под ребрами, и в этой звенящей тишине башни его отношение к девчонке изменилось навсегда.

Она больше не была добычей. И не была врагом. Она была той, с кем мне придется делить эту проклятую тайну, хотим мы того или нет.

ГЛАВА 8. Хрупкий союз

Диана

Руки не слушались. Пальцы, сведенные судорогой после ментального призыва, казались чужими, окоченевшими, словно я сама на несколько минут провалилась в ту ледяную бездну, где обитают духи.

Я предприняла третью отчаянную попытку натянуть дужку очков на ухо, но металл выскользнул из дрожащей ладони. Очки с тихим звяканьем упали бы прямо на мокрый камень, если бы чья-то стремительная, рука не перехватила их у самого пола.

Я испуганно вскинула голову, с трудом фокусируя зрение без фильтра линз.

Люциан стоял прямо передо мной. Наваждение прошло, тяжелый могильный туман рассеялся, и в легкие наконец-то хлынул обычный, сырой воздух, пахнущий дождем и прелыми тисами. Но оборотень все еще тяжело дышал. Ворот его белой рубашки был разорван еще сильнее — видимо, его пальцы судорожно рвали ткань, когда призрачный холод Эрика сковал его легкие.

Наглый позер, уверенный в своей абсолютной физической

силе, сейчас выглядел бледным. В глубине его темных глаз все еще медленно догорали, растворяясь, дикие золотистые искры. Его зверь был напуган. И растерян.

Он не вернул мне очки сразу. Люциан медленно поднялся во весь рост, держа хрупкую роговую оправу в своих огромных, поцарапанных пальцах с пугающей, почти ювелирной аккуратностью.

— Значит… некромантка, — его голос прозвучал удивительно тихо, лишенный прежней издевательской хрипоты. Это было глухое, концентрированное признание факта. — Настоящая. Из тех, о ком в учебниках по истории пишут в прошедшем времени.

— Отдай, — я протянула руку, стараясь, чтобы мой шепот звучат как можно тверже, хотя внутри меня все дрожало от истощения силы.

Без очков его лицо расплывалось, превращаясь в резкие, хищные мазки: темные брови, острые скулы, плотно сжатые губы.

— Отдай и иди к директору. Ты ведь этого хотел? Сдать незарегистрированную ведьму министерским ищейкам. Давай. Дверь башни открыта.

Люциан молчал несколько долгих секунд. Ветер трепал его антрацитово-черные волосы, швыряя мокрые пряди на лоб. На его губах не было привычной наглой ухмылки. Он смотрел на меня так, словно видел впервые — не как на серую первокурсницу в уродливом свитере, а как на существо,

способное повелевать самой смертью.

— Если бы я хотел тебя сдать, мышка, я бы сделал это еще вчера, — он сделал шаг вперед, сокращая и без того крошечное расстояние между нами, и мягко, но уверенно сам надел очки мне на переносицу.

Мир мгновенно обрел пугающую, резкую четкость. Я увидела каждую каплю воды на его ресницах, каждую свежую царапину на его запястьях.

— К тому же, — Люциан убрал руки в карманы брюк и чуть склонил голову набок, возвращая на лицо тень своей привычной маски позера. — Это было бы чертовски неблагодарно с моей стороны. Эта тварь… этот дух Торна. Он ведь действительно едва не выпил мою жизнь. Я чувствовал, как останавливается сердце. Физическая сила против мертвецов не работает. Так что, получается, ты меня спасла.

— Я спасала не тебя, — я упрямо отступила на полшага назад, упираясь лопатками в каменную балюстраду. — Я спасала расследование. Если бы призрак Эрика разорвал тебя, убийца остался бы на свободе. А официальная версия про «несчастный случай» устроила бы всех, кроме меня.

— И кроме меня, — Люциан резко посерьезнел, его взгляд стал жестким, пронзительным. — Торн был боевиком. Моим соперником, да, но он был частью стаи академии. Оборотни не прощают, когда их сокурсников душат в темноте, как паршивых щенков, а потом списывают это на ветер. Ты слышала, что он сказал перед тем, как твои цепи его

развеяли? Что-то про сердце? Что ещё? Нам нужна хоть какая-то зацепка.

Я кивнула, чувствуя, как к горлу снова подступает холодный ком.

— «Тот, у кого моё сердце, откроет врата… Диана, ищи полумесяц». Он сказал это и ночью, когда я нашла его тело, и сейчас.

— Значит, у него вырезали сердце, — Люциан нахмурился, его ноздри снова хищно дрогнули, улавливая остаточные эманации магии в воздухе. — Руководство скрыло это. Медики лазарета явно получили приказ молчать. Но зачем кому-то физическое сердце лучшего боевого мага курса? Это ведь не просто орган. Сердце боевика — это средоточие его первородной искры. Сильнейший магический артефакт, если знать, как его использовать.

— Использовать для чего? — я внимательно посмотрела на него сквозь стекла очков. — Он говорил про врата. Врата мертвых? Под академией?

— В Грейвуде полно подземелий, о которых не пишут в путеводителях для первокурсников, — Люциан сделал шаг к выходу с площадки, а затем обернулся, выжидающе глядя на меня. — Слушай сюда, мышка. Нам придется работать вместе. Тебе нужен тот, кто сможет прикрыть твою хрупкую спину, когда твоя магия решит снова выйти из-под контроля. К тому же, у меня есть нюх и доступ к старшекурсникам. А мне нужна ты, потому что мертвые говорят только с тобой.

Я помедлила. Союз с главным хулиганом академии, оборотнем, от которого все держались на расстоянии, казался чистейшим безумием. Он был непредсказуем, опасен и слишком сильно привлекал к себе внимание, в то время как мне жизненно необходимо было оставаться блеклой тенью.

Но вспомнив леденящие пальцы призрака Эрика и монолитную ложь леди Блэквуд, я поняла, что в одиночку эту стену мне не пробить. Меня просто раздавят.

— Хорошо, — тихо сказала я, подходя к нему. — Но у меня есть условия. Никто в академии не должен знать о моей магии. Вообще никто. Для всех мы не знакомы.

— Договорились, — Люциан лениво улыбнулся, и в его глазах снова вспыхнул тот самый дерзкий, бунтарский огонек. — Будем притворяться, что я по-прежнему презираю серых первокурсниц в огромных свитерах, а ты падаешь в обморок от одного моего взгляда. Нам обоим это на руку.

Он протянул мне руку — широкую ладонь с четкими линиями и следами когтей. Я нерешительно протянула свою, маленькую и бледную. Когда наши ладони соприкоснулись, по моей коже словно пробежал электрический разряд — горячий, живой, полностью уничтожающий остатки замогильного холода. Животное тепло оборотня было оглушающим. Я поспешно отняла руку, пряча пальцы в длинные рукава свитера.

— Первое, что нам нужно сделать — проверить профессора Вейна, — сказала я, стараясь вернуть голосу деловой

тон. — Сегодня в библиотеке Алиса упомянула, что Вейн ведет закрытый курс по древним ритуалам, а Эрик перед смертью часто засиживался в его кабинете.

— Профессор тёмных искусств? Банально, но логично, — Люциан ухмыльнулся, открывая передо мной тяжелую дубовую дверь во внутренние коридоры замка. — Иди на свои лекции, Диана Стоун. Прилежно учись крутить руны. А я посмотрю, что можно разузнать у боевиков про последние дни Торна. И помни: теперь мы в одной лодке. А из этой лодки живыми не выпрыгивают.

Я кивнула, но внутри всё сжалось от тревоги, потому что слишком легко он согласился. Слишком быстро перешёл от угроз к союзничеству. Я привыкла не доверять людям, потому что дед учил, что доверие в мире магии стоит дороже золота и продаётся так же быстро.

Но сейчас у меня не было выбора. Либо я доверюсь этому наглому оборотню с его волчьими глазами и насмешливой ухмылкой, либо останусь одна против лжи, которая уже начала сжиматься вокруг меня, как каменные стены Грейввуда.

Я решительно выдохнула и зашагала вниз по лестнице, чувствуя, как его взгляд прожигает мне затылок.

Спускаясь по винтовой лестнице обратно к учебным аудиториям, я поправила очки и поглубже зарылась лицом в воротник своего оливкового свитера. Тайный союз был заключен. Мы сделали первый официальный шаг вглубь этого туманного лабиринта лжи, и теперь у нас не было иного выбо-

ра, кроме как дойти до самого конца, каким бы кровавым он ни оказался.

ГЛАВА 9. Архивы Грейввуда

Диана

Запах старой бумаги в центральной библиотеке всегда ассоциировался у меня с безопасностью, но сегодня он казался удушливым, почти осязаемым.

Огромный зал, уходящий вверх на три яруса резных галерей из темного ореха, был погружен в благовейную, монастырскую тишину.

Из узких стрельчатых окон, сквозь которые едва пробивался серый дневной свет, падали косые столбы пылинок, лениво кружащихся в воздухе. Где-то в глубине проходов между бесконечными стеллажами монотонно шуршали страницы — старшекурсники усердно готовились к первым семинарам, делая вид, что утреннее известие о гибели Эрика Торна их совершенно не задело.

Я сидела за самым дальним угловым столом, заваленным тяжелыми, пахнущими кожей и сушеной лавандой фолиантами. Мои пальцы в чернильных пятнах лениво перелистывали пожелтевшие страницы «Хроник первозданного излома», но строчки плыли перед глазами.

Я то и дело ловила себя на том, что прислушиваюсь к каж-

дому шороху за спиной. Мой затылок до сих пор помнил то странное, обжигающее тепло, которое исходило от ладони Люциана, когда он возвращал мне очки на астрономической башне.

Мы заключили союз. Безумный, противоестественный пакт между тихой некромантской и диким оборотнем. И теперь мне приходилось играть эту роль до конца — притворяться обычной, блеклой первокурсницей, пока внутри меня ворочалась тяжелая, темная магия смерти.

— Диана, ну посмотри на это, это же чистой воды издевательство! — Алиса с тихим стуком положила на стол массивный том в потрепанном переплете, прерывая мои мысли.

Девушка опустилась на стул рядом со мной, устало вздохнув и откинув назад свои пышные каштановые кудри. Её щеки все еще горели нежным румянцем после быстрой ходьбы по лестницам, а карие глаза смотрели с легким, чисто девичьим возмущением.

Алиса была одета в свою новую изумрудную мантию естественного факультета, которая удивительно шла к её теплому оттенку кожи. Рядом с ней, неловко переминаясь с ноги на ногу, стоял высокий, худой парень в светло-сером жилете целителей. У него были мягкие черты лица, россыпь веснушек на переносице и вечно взъерошенные соломенные волосы. Его звали Томас, и Алиса познакомилась с ним сегодня на первой лекции по магической анатомии.

— Профессор Вейн задал нам написать эссе на три фута

пергамента о влиянии лунных циклов на ментальные щиты, — продолжала жаловаться Алиса, забавно надувая губы.

Девушка открыла принесенную книгу, и по залу разнесся густой запах сухих трав.

— Мы с Томасом обыскали всю левую галерею, но там одни лишь трактаты по боевой защите. Томас, скажи ей! Это ведь совершенно нечестно по отношению к первокурсникам.

— Вейн всегда такой, — тихо, немного робко отозвался Томас, присаживаясь на край скамьи напротив нас и поправляя воротник, его голос был мягким, успокаивающим — типичный голос будущего лекаря. — Мой старший брат учился у него два года назад. Он говорит, что профессор тёмных искусств намеренно заваливает новичков сложной работой в первую же неделю, чтобы отсеять тех, у кого слабая ментальная концентрация. Он... тяжелый человек. Жестокий.

Я зацепилась за его слова, медленно закрывая свой учебник и поправляя очки на переносице.

— Тяжелый? — я постаралась, чтобы мой голос звучал максимально обыденно, со степенью легкого студенческого любопытства. — А что еще о нем говорят, Томас? Я слышала, он ведет какой-то закрытый курс для выпускников.

Томас бросил быстрый, опасливый взгляд в сторону стойки библиотекаря, а затем наклонился чуть ближе к нам, понизив голос до заговорщического шепота.

— Закрытый курс по древней ритуалистике излома. Туда берут только тех, у кого колоссальный уровень личной силы.

Мой брат рассказывал, что Вейн одержим идеей воссоздания утерянных заклинаний эпохи основателей. Ну, знаете, тех самых, которые позволяли связывать воедино несколько магических источников. Эрик Торн... ну, погибший боевик... он ведь был лучшим на этом курсе. Они с Вейном постоянно запирались в кабинете профессора на третьем этаже восточного крыла. Иногда засиживались за полночь.

Пальцы внутри моих рукавов непроизвольно сжались в кулаки. Вот оно. Зацепка, о которой говорил Люциан. Эрик Торн и профессор Вейн работали над какими-то древними ритуалами. Ритуалами, связанными с объединением источников силы. А сердце сильного боевого мага — это и есть чистейший, концентрированный источник первородной искры.

— О боги, Томас, не говори о нем, мне до сих пор не по себе после утренней речи директрисы, — Алиса передернула плечами, прижимая ладони к груди, словно пыталась защититься от самой мысли о смерти сокурсника.

Её лицо на секунду утратило свою привычную живость, став серьезным и немного печальным.

— Такая нелепая трагедия. Падение с башни... Знаете, девчонки в лаватории шептались, что в Грейввуде вообще каждые пятьдесят лет происходит что-то подобное. Будто у самого замка есть какая-то... темная жажда. Он забирает лучших.

— Это просто глупые сказки старшекурсников, Алиса, —

Томас мягко улыбнулся, пытаясь её приободрить, и пододвинул к ней чернильницу. — Обычное суеверие. В старых замках всегда полно легенд. Давайте лучше займемся ментальными щитами, иначе Вейн завтра превратит нас в подопытных крыс на практическом занятии.

Алиса вздохнула, согласно кивнула и принялась усердно скрипеть пером по пергаменту, углубившись в чтение. Томас помогал ей, тихо комментируя сложные латинские термины. Они выглядели как идеальные, прилежные студенты, полностью поглощенные учебой.

Я же медленно потянулась к стопке архивных книг, которую Томас принес вместе с учебниками по анатомии. Мой взгляд скользнул по корешкам, и я замерла. На самом дне стопки лежал тонкий, полусгоревший блокнот в обложке из грубой серой кожи, на которой не было никакого инвентарного номера академии. Он выглядел так, словно его вытащили из костра в последний момент.

— Томас, а это что? — я аккуратно вытянула блокнот из-под тяжелых фолиантов.

Парень удивленно моргнул, взглянув на серую кожу.

— Оу, я даже не заметил, как прихватил его. Он застрял между страницами большого атласа лекарственных растений на нижней полке закрытого архива. Наверное, кто-то из преподавателей забыл его там. Или выбросил за ненадобностью.

Я открыла блокнот. Страницы были покрыты мелким, убористым, невероятно нервным почерком. Чернила места-

ми выцвели, а края бумаги были обуглены. Но мое зрение некроманта, даже скрытое за стеклами очков, мгновенно уловило тончайшие, едва заметные фиолетовые эманации, исходящие от этих листов.

Магия смерти. Этот блокнот принадлежал кому-то, кто имел отношение к некромантии. Или к исследованию врат.

Я принялась бегло просматривать записи, стараясь, чтобы Алиса и Томас не заметили моего лихорадочного интереса. Текст был полон странных алхимических формул и зарисовок ритуальных кругов. И на тридцатой странице я наткнулась на абзац, от которого у меня всё же сбилось дыхание.

«...Граница между мирами истончается в точках пересечения силовых линий замка. Астрономическая башня — идеальный проводник. Но для открытия нижних казематов, где покоятся кости первых, обычной крови недостаточно. Нужен сосуд. Тот, чье сердце способно выдержать напор первозданной тьмы. Ищи полумесяц, ибо только он укажет на истинного проводника...»

Под текстом была сделана аккуратная зарисовка — идеальный круг, внутри которого был заключен тонкий, острый полумесяц, направленный рожками вверх.

Точно такая же фраза. *«Ищи полумесяц»* …

Эрик Торн не придумал эти слова перед смертью — он цитировал этот дневник. Или те инструкции, которые привели его на башню этой ночью.

Я ещё раз пробежала глазами последние строки дневника.

Между формулами, нацарапанными торопливым почерком, попадались обрывки личных записей — и от них по спине бежал холодок.

«Они не понимают, что значит быть последним. Что значит носить в себе кровь тех, кого стёрли из истории». «Я не выбирал этот путь. Но теперь, когда он выбран за меня, я не отступлю». «Полумесяц укажет на того, кто откроет врата. И пусть мир содрогнётся».

Я прикрыла глаза, пытаясь представить человека, который это писал: отчаянного, одинокого, одержимого местью. И чем дольше я вчитывалась, тем сильнее росло во мне необъяснимое, тревожное чувство, что я уже где-то встречала этот почерк. Где-то совсем рядом…

— Диана, ты нашла там что-то интересное? — звонкий голос Алисы заставил меня вздрогнуть.

Я мгновенно захлопнула блокнот, прижимая его ладонью к столешнице. Сердце бешено заколотилось о ребра. Я подняла глаза и наткнулась на внимательный, ясный взгляд подруги.

Алиса смотрела на меня, чуть наклонив голову набок, и на её лице застыло выражение искреннего, дружеского любопытства. В её глазах не было подозрения, а только мягкий свет отличницы, готовой прийти на помощь.

— Нет, ничего, — я выдавила из себя слабую улыбку, поспешно пряча блокнот в свою глубокую сумку для чертежей, стоявшую у моих ног. — Просто... старые рецепты бытовых

зелий. Наверное, какой-то студент прошлого века баловался. Томас прав, нам нужно поторопиться с эссе Вейна.

Алиса легко рассмеялась, возвращаясь к своему пергаменту, а я медленно опустила голову, чувствуя, как под свитером по спине струится холодный пот.

Блокнот некроманта теперь был у меня. Зацепка вела прямиком к профессору Вейну и его тайным ритуалам. Мне нужно было как можно скорее передать это Люциану. Наш хрупкий союз только что получил первое вещественное доказательство того, что смерть Эрика Торна — это лишь начало чего-то гораздо более масштабного и жуткого, чем обычное убийство из мести.

ГЛАВА 10. Клык в темноте

Люциан

Кровь внутри моих жил закипала, превращаясь в жидкий огонь. Луна за пределами готических окон академии еще не набрала полную силу, оставаясь узким, хищно изогнутым серпом, но мой внутренний зверь уже чувствовал её приближение.

Каждое полнолуние для оборотней нашей стаи было испытанием, но в этот раз волка ломало с особенной, изнуряющей жестокостью. Ему было тесно в рамках человеческого тела, тесно в душных коридорах западной башни, тесно под гнетом антимагических законов этого проклятого замка. Он требовал свободы. Требовал бега по ночному лесу, хруста костей под клыками и... её запаха.

Я медленно шел по погруженному в полумрак коридору третьего этажа, делая вид, что добросовестно выполняю обязанности старосты ночного патруля.

Моя форменная мантия была привычно наброшена на одно плечо, ворот рубашки расстегнут, а пальцы правой руки лениво поглаживали серебряный амулет на тяжелой цепочке, висевший у меня на шее.

Наш родовой артефакт, призванный подавлять животную сущность в стенах цивилизованных заведений, сегодня едва справлялся со своей задачей. Кожа на затылке чесалась, мышцы спины непроизвольно подергивались, а зрение то и дело переключалось на волчий регистр, окрашивая углы коридоров в резкие, контрастные тона.

Каждый шорох, каждый вздох спящих за закрытыми дверями студентов отзывался в моих ушах оглушительным грохотом. Но среди сотен запахов академии — пыли, старого дерева, алхимических реагентов и сонного дыхания — мои ноздри жадно, вопреки всякой логике, вылавливали один-единственный след.

Морозная хвоя и пожелтевшие страницы книг. Диана Стоун. Мышка в круглых очках, которая умудрилась связать по рукам и ногам духа Торна прямо на моих глазах.

Мы заключили пакт два дня назад. С тех пор мы ни разу не разговаривали. При встрече в большом зале она прилежно опускала голову, пряча глаза за своими толстыми стеклами, а я демонстративно проходил мимо, громко смеясь над шуточками старшекурсников и обнимая за талию очередную дуреху с ментального факультета.

Мы идеально играли свои роли. Но мой зверь не обманывался. Стоило её подолу мантии общей магии мелькнуть в толпе, как волк внутри затихал, пристально наблюдая за каждым её шагом.

Вспышка. Неожиданный, резкий перепад давления заста-

вил меня замереть на месте.

Воздух в переходе между западной башней и главным корпусом внезапно стал леденящим, густым и липким. Мой волчий слух поймал странный, противоестественный звук, не похожий не на простой скрип половицы и не на завывание ветра в щелях кладки. Это было низкое, утробное шипение, от которого у меня на загривке дыбом встала шерсть. И запах…

Так не пахли обычные призраки, с которыми возилась Диана. Так пахла чистая, концентрированная тьма. Первородная порча.

Я сорвался на бег, мгновенно отбросив маску ленивого позера. Мои шаги были абсолютно бесшумными, хищными. Я вылетел в галерею второго яруса, где широкие арочные окна выходили во внутренний сад, и замер.

В самом конце длинного коридора, прижавшись спиной к каменной статуе горгульи, стояла Диана. Её огромная сумка для чертежей рун валялась у ног, из неё рассыпались пергаменты, а сама девушка судорожно выставила вперед свои маленькие ладони.

Сквозь стекла её очков я видел, как в её глазах лихорадочно разгорается фиолетовый некромантский огонь, но её магия сейчас была бессильна. Она была слишком истощена после башни. Тонкие серые цепочки её заклинаний лопались одна за другой, не успевая даже коснуться врага.

А прямо перед ней из темного угла стены соткалось нечто

чудовищное. Это была теневая тварь — Мраза, низшее порождение излома, но из тех, что выкармливают запретной черной магией. Огромный, бесформенный сгусток живой сажи, у которого вместо лица была лишь вертикальная, сочащаяся фиолетовой гнилью пасть с рядами острых, как бритвы, призрачных клыков.

Тварь медленно наступала на девчонку, и от её ледяного дыхания каменные плиты пола покрывались тонкой коркой инея. Она пришла за ней. Пришла, чтобы заставить некромантку замолчать навсегда.

— Назад, мразь! — мой крик разорвал тишину коридора, но теневой монстр даже не повернул своей безобразной головы. Пасть раскрылась шире, готовая сомкнуться на горле Дианы.

Времени на раздумья не было. Физическое оружие или обычные боевые заклинания, которыми нас учили пользоваться на лекциях, против высших тварей тьмы были бесполезны. Здесь была нужна чистая, первобытная ярость живой крови. Сила зверя, которая стоит на противоположном полюсе от магии смерти.

Я сорвал с шеи серебряный фамильный амулет и с силой швырнул его на пол. Серебро с глухим звоном покатилось по камням.

Контроль треснул и разлетелся вдребезги. Дикая, безумная боль трансформации прошила мое тело от макушки до пят, но в этот раз я приветствовал её. Мои кости лома-

лись и перестраивались со страшной скоростью, человеческая одежда с треском рвалась на куски, а из пальцев с тихим щелчком выдвинулись длинные, острые как ятаганы черные когти.

Человеческий разум отступил на задний план, уступая место чистым инстинктам волка. Защитить. Разорвать. Моя пара в опасности.

Спустя секунду на каменные плиты коридора опустились четыре массивные, покрытые жесткой антрацитово-черной шерстью лапы. Я превратился в огромного, весом под два центнера, дикого зверя с горящими янтарными глазами.

Издав оглушительный, яростный рык, от которого задрожали стекла в арочных окнах, я мощным прыжком перемахнул через половину коридора. Мои клыки сомкнулись прямо на мерзкой глотке теневой твари в тот самый момент, когда она потянулась к Диане.

Мраза заверещала — тонко, ультразвуково, отчаянно. Живое тепло оборотня и святая ярость зверя жгли её черную плоть почище каленого железа.

Тварь попыталась обвить мои лапы своими холодными теневыми отростками, пытаясь выпить мою жизнь, но волк внутри меня был слишком силен. Я рвал её когтями, вгрызался в её дымящуюся пасть, разбрызгивая по стенам капли фиолетовой, вонючей слизи. Это была не деликатная битва магов, а первобытная, грязная грызня хищника с паразитом.

Диана вскрикнула, вжавшись в основание статуи. Без оч-

ков, которые слетели с неё во время нападения и теперь валялись где-то в луже инея, она, скорее всего, видела лишь огромные, борющиеся силуэты.

С финальным, торжествующим рыком я сжал челюсти до упора. Теневой кокон монстра не выдержал давления волчьей ярости и с громким, беззвучным хлопком разлетелся на тысячи мелких, гаснущих хлопьев сажи.

В коридоре снова воцарилась звенящая, мертвая тишина, нарушаемая лишь моим тяжелым, хриплым дыханием. От твари не осталось ничего, кроме резкого запаха гари и гнили, который быстро уносил ночной сквозняк.

Я замер на четырех лапах, тяжело вздымая мощную грудь. Моя морда была испачкана в фиолетовой жиже, а из пасти капала горячая слюна. Волк все еще требовал крови, его янтарные глаза горели безумием охоты. Я медленно повернул голову к Диане.

Девчонка сидела на полу, обхватив колени руками. Её светлые, почти прозрачные волосы полностью выбились из узла, рассыпавшись по плечам мокрым льняным шелком.

Без очков её лицо казалось совсем маленьким, беззащитным и фарфоровым. Она тяжело дышала, а её серые глаза испуганно всматривались в мою огромную, жуткую фигуру. Она видела перед собой не Люциана. Она видела дикого, смертоносного монстра, который только что за секунду уничтожил порождение тьмы.

Я сделал медленный шаг к ней. Мои когти тихо заскре-

жетали по камню. Диана не шевельнулась. Она не закричала и не попыталась сбежать. Вместо этого она медленно, преодолевая дрожь, протянула вперед свою маленькую, бледную ладонь.

— Люциан... — её шепот был едва слышным, полным усталости и какого-то сумасшедшего, абсолютного доверия.

Я остановился в полушаге от неё. Мой огромный волчий нос коснулся её холодных пальцев. Я шумно втянул воздух, улавливая её чистый запах морозной хвои, который мгновенно усмирил зверя внутри моей головы.

Волк тихо, удовлетворенно заурчал — звук получился глубоким, рокочущим — и лениво ткнулся массивным лбом в её ладонь, позволяя ей погладить жесткую антрацитовую шерсть. Для оборотня это было высшей степенью подчинения и признания. Маски позера были сброшены. Мы оба были по уши в этой грязи.

Но в следующую секунду мой взгляд упал на пол чуть левее её сумки. Там, среди рассыпанных пергаментов, сиротливо поблескивал серебряный амулет на разорванной цепочке, который я отбросил во время трансформации.

Артефакт подавления зверя был сломан. И если нас сейчас застанет комендант или патруль преподавателей, объяснить мое нахождение здесь в таком виде будет невозможно. Убийца не просто защищался — он только что сделал свой первый ход, вынудив нас раскрыть свои карты в этой темной академии.

ГЛАВА 11. Маски сброшены

Диана

Утренний свет пробивался сквозь узкие стрельчатые окна лазарета неохотно, словно ему самому было тошно смотреть на холодные серые стены академии Грейввуд.

Солнце, спрятанное за монолитной пеленой тумана, не приносило тепла. Оно лишь окрашивало палату в блеклые, мертвенные тона, заставляя металлические инструменты на столиках дежурных лекарей тускло и зловеще поблескивать.

Я сидела на краю жесткой кушетки, плотно сжав колени. Мои очки, слава богам, уцелели ночью лишь чудом — Люциан, уже в человеческом облике, успел вытащить их из лужи подмерзшего инея до того, как набежал патруль.

Сейчас они привычно сидели на переносице, но мир сквозь них казался мне чужим. Мои пальцы, скрытые в длинных рукавах неизменного оливкового свитера, до сих пор помнили пугающее, дикое ощущение: жесткую, антрацитово-черную шерсть огромного зверя, его горячее дыхание и колоссальную, первобытную мощь, которая за секунду разорвала теневую тварь.

Хулиган. Позер. Самый опасный студент боевого факуль-

тета оказался оборотнем — существом, чья кровь бурлила от магии жизни, в то время как моя собственная суть принадлежала холодной могильной тьме.

Рядом суетилась Алиса. Моя кудрявая соседка примчалась в лазарет в лавандовом домашнем халате прямо перед самым рассветом, едва Томас — наш друг из целительского крыла — передал ей, что меня нашли в бессознательном состоянии в переходе между башнями.

— Диана, ну как ты могла? Зачем ты пошла туда ночью? — Алиса осторожно протянула мне кружку с горячим отваром ромашки и мяты.

Её карие глаза были полны искренней, неподдельной тревоги, а бледные щеки осунулись. Она выглядела такой хрупкой, такой далекой от всех этих мрачных тайн, что мне в очередной раз стало невыносимо стыдно за свою ложь.

— Комендант сказал, что ты просто потеряла сознание от истощения сил, когда несла архивные пергаменты обратно. Но ведь леди Блэквуд ясно предупреждала: патрули усилены! Если бы тебя нашел профессор Вейн, тебя бы исключили без права апелляции!

— Я просто... засиделась за чертежами рун, Алиса. Потеряла счет времени, — я выдавила из себя слабую, блеклую улыбку, делая маленький глоток из кружки.

Горячая жидкость обожгла язык, но не смогла растопить тот ледяной ком, что застыл у меня под ребрами.

— Все в порядке. Томас сказал, что мне просто нужно

отдохнуть.

— Отдохнуть, ну конечно! — Алиса всплеснула руками, её каштановые кудри возмущенно качнулись. — Ты бледная как смерть, Диана. Твоя одежда была насквозь мокрой, а руки ледяные. Пообещай мне, что больше никаких ночных прогулок. Хватит с нас одной трагедии с Эриком Торном. Я не переживу, если с тобой тоже что-то случится.

— Обещаю, — тихо ответила я, опуская глаза.

Алиса вздохнула, мягко погладила меня по плечу и принялась помогать Томасу собирать пустые склянки из-под восстанавливающих зелий у соседнего стола.

Они негромко переговаривались о расписании лекций, а я незаметно опустила руку в глубокий карман мантии, лежавшей на стуле. Мои пальцы наткнулись на тяжелый, холодный предмет. Серебряный фамильный амулет на разорванной цепочке. Тот самый артефакт подавления зверя, который Люциан обронил ночью.

Цепочка была порвана, серебро покрыто мелкими царапинами, а магия внутри него полностью иссякла. Люциан остался без защиты из-за меня. Без своей маски позера, которая сдерживала волка от случайных трансформаций во время приближающегося полнолуния.

Спустя полчаса, когда целительское крыло опустело, а Алиса ушла переодеваться к занятиям, я поднялась с кушетки. Мои ноги все еще слегка подкашивались от ментальной слабости, но времени на отдых не было.

Мне нужно было вернуть артефакт владельцу. И получить ответы на вопросы, которые за ночь превратились в раскаленные иглы, вонзающиеся в мозг.

Я нашла его на заднем дворе академии в заброшенном тисовом саду, куда редко заглядывали студенты общей магии. Здесь, среди потрескавшихся каменных скамеек и густого, влажного мха, Люциан сидел на полуразрушенной балюстраде, спиной к замку.

Его форменная мантия боевика была небрежно брошена на сырую траву, а сам он остался в одной белой рубашке с неизменно расстегнутым воротом. Черные растрепанные волосы были влажными от тумана. На его широких запястьях, чуть выше манжет, отчетливо виднелись вчерашние царапины — глубокие, багровые, которые целители лазарета даже не пытались обработать, потому что магия оборотней отвергала чужое вмешательство.

Услышав мои шаги, он не обернулся. Но я видела, как напряглись его широкие плечи под тонкой тканью рубашки. Его ноздри хищно дрогнули. Он учуял меня задолго до того, как мои старые ботинки хрустнули по гравию дорожки. Запах морозной хвои и книжных страниц — маркер, который его зверь теперь распознавал безошибочно.

— Ты должна сидеть в лазарете, мышка, — его голос прозвучал глухо, хрипло, лишенный прежней издевательской насмешливости плохиша.

В нем слышалась тяжелая, изнуряющая усталость челове-

ка, который всю ночь боролся с собственными демонами.

— Если комендант увидит тебя здесь со мной, официальная версия про «потерю сознания в коридоре» разлетится к чертям.

— Мне плевать на коменданта, — я остановилась в трех шагах от него, пряча руки в карманы. — И на леди Блэквуд тоже. Держи. Это твое.

Я вытащила руку и протянула ему сломанный серебряный амулет. Серебро тускло блеснуло в сером утреннем свете.

Люциан медленно повернул голову. Его темные глаза, окруженные густыми тенями от бессонницы, в упор посмотрели на артефакт на моей ладони. Его челюсть сильно сжалась, так что на скулах проступили желваки.

Он медленно протянул свою огромную, поцарапанную руку и забрал цепочку. Когда его пальцы коснулись моей кожи, я снова почувствовала этот резкий, обжигающий импульс живого тепла, который напрочь смыл остатки лазаретной сырости.

— Цепочка порвана. Магия подавления сгорела дотла, когда я принял облик волка, — Люциан сжал амулет в кулаке, и металл жалобно хрустнул в его пальцах.

Парень горько, коротко усмехнулся, глядя на туман над обрывом.

— Мой старик оторвет мне голову, если узнает. Этот амулет защищал наш род от министерских проверок три поколения. Без него... волку трудно усидеть внутри, Диана. Осо-

бенно сейчас, когда луна растет с каждым часом, а по замку бродят твари, пахнущие гнилью.

— Теневой монстр... Мраза, — я сделала шаг ближе, внимательно разглядывая царапины на его предплечьях сквозь стекла своих очков. — Она пришла за мной, Люциан. Кто-то в академии знает, что я была на башне. Знает, что я некромантка, и пытается убрать свидетеля. Или... того, кто может распутать это дело. На теле Эрика были точно такие же следы пальцев. Его душили. Но это был не ты. Твой волк вчера рвал тень зубами и когтями, а не душил её.

Люциан резко повернулся ко мне, спустив ноги с балюстрады. В его взгляде больше не было позера-хулигана. Маски были окончательно сброшены. Передо мной стоял сильный, расчетливый и смертельно опасный союзник, который понимал всю глубину капкана, в который мы угодили.

— Естественно, это был не я, — отрезал он, и в его голосе прорезалось низкое, животное рычание. — Тот, кто сделал это с Торном, использовал физическую силу, смешанную с ментальным подавлением. Эрик даже не успел выпустить огонь — его щиты просто выжгли изнутри до того, как сомкнули пальцы на горле. И царапины на моих руках — это не от борьбы с ним. Я вчера всю ночь шел по следу той твари, которая напала на тебя. След ведет прямиком в восточное крыло. К кабинету профессора Вейна.

Я похолодела, вспомнив серый сгоревший блокнот, который вчера спрятала на дне своей сумки.

— Я нашла дневник, Люциан, — шепотом произнесла я, оглядываясь на пустые дорожки сада. — Старый, полусгоревший блокнот некроманта из закрытого архива библиотеки. Томас принес его вместе с учебниками по анатомии, сам того не зная. Там написано про врата мертвых под академией. Про то, что для их открытия нужен «сосуд» — тот, чье сердце способно выдержать напор первозданной тьмы. И там была фраза... та самая фраза Эрика. *«Ищи полумесяц»*. Под текстом нарисован знак: круг, а внутри него острый полумесяц рожками вверх.

Люциан замер. Его янтарные искорки в глубине зрачков вспыхнули с новой силой. Он медленно поднялся во весь рост, нависая надо мной своей огромной фигурой, и его тень полностью накрыла меня, защищая от холодного утреннего ветра.

— Полумесяц... — повторил он, нахмурившись. — Все думают, что это связано с фазами луны или с культом оборотней. Наша стая использует знак полной луны. Но полумесяц... это герб одного древнего, вырезанного под корень рода темных магов, которые владели некромантией до излома. Их земли когда-то простирались там, где сейчас стоит Грейввуд. Если дневник у тебя, Вейн перевернет замок вверх дном, чтобы найти его. Он поймет, что тварь не просто не вернулась — она провалилась, а её жертва осталась жива.

— Значит, у нас мало времени, — я поправила очки, упрямо вздернув подбородок.

Мой страх перед этим парнем, перед его волчьей сущностью, полностью растворился, уступив место холодной, злой решимости сыщика.

— Вейн задал нашему курсу эссе по ментальным щитам. Завтра будет практическое занятие в его кабинете. Нам нужно использовать этот шанс, чтобы обыскать его лабораторию и понять, у него ли сердце Эрика.

— Рискованно, мышка. Очень рискованно, — Люциан сделал шаг ко мне, и на его губах впервые за это утро появилась ленивая, дерзкая ухмылка, но теперь она предназначалась только мне, как знак одобрения безумного плана. — Пробираться к профессору тёмных искусств под носом у патрулей... Мне это нравится. Мой волк одобряет твою безрассудную смелость. Я прикрою тебя. Но помни: если нас поймают, кандалы министерства покажутся тебе раем по сравнению с тем, что сделает с нами Вейн, если мы найдем то, что он так тщательно прячет.

Я ничего не ответила. Я лишь молча развернулась и зашагала обратно к замку, чувствуя, как под оливковым свитером по коже бегут мурашки — вовсе не от холода, а от осознания того, что сети подозрений затягиваются вокруг нас все туже. Мы сделали свой ход. И теперь оставалось только ждать, каким будет ответный удар убийцы.

ГЛАВА 12. В лабиринте теней

Диана

Запах сушеной полыни, горького миндаля и застоявшейся крови — так пахло восточное крыло академии, где располагались аудитории кафедры тёмных искусств и древней ритуалистики.

Время здесь словно застыло еще пару веков назад: тяжелые готические своды из серого гранита давили на плечи, редкие настенные факелы коптили, распространяя вокруг себя удушливый маслянистый дым, а под потолком, теряясь в густой тени, лениво перебирали лапами каменные горгульи.

Сюда редко заглядывали студенты младших курсов, предпочитая обходить мрачный коридор стороной, но сегодня у меня не было выбора.

Я шла медленно, намеренно шаркая подошвами старых ботинок по каменным плитам, чтобы скрыть мелкую, лихорадочную дрожь в коленях.

Сумка для чертежей рун казалась невероятно тяжелой — на самом её дне, завернутый в кусок плотного сукна, лежал тот самый полусгоревший блокнот некроманта, ставший на-

шей первой осязаемой уликой.

Я привычным, почти автоматическим жестом поправила на переносице очки. Стёкла слегка запотели от сырости, и мир вокруг расплывался зыбкими, дрожащими контурами, что только добавляло мне жути.

— Прямо по коридору, третья дверь налево, мышка. Вейн ушел на экстренное совещание к директрисе ровно пять минут назад. У нас есть от силы четверть часа, пока патруль старшекурсников не вернулся на этот ярус.

Хриплый, вкрадчивый шепот Люциана раздался прямо над моим ухом, заставив меня вздрогнуть. Он соткался из темноты оконной ниши так внезапно, словно действительно был призраком, а не живым существом.

На нем по-прежнему не было форменной мантии — лишь темный жилет поверх белой рубашки, рукава которой были небрежно закатаны до локтей, обнажая сильные, покрытые багровыми царапинами предплечья.

Наглый позер, бунтарь, которого побаивались даже преподаватели. Но сейчас, в шаге от полнолуния, его маска плохиша трещала по швам.

Я видела, как непроизвольно подергиваются мышцы на его скулах, а в глубине темных зрачков то и дело вспыхивали дикие, янтарные искры. Без своего серебряного амулета Люциан балансировал на самой грани между человеком и зверем.

— Твой нюх уверен, что в коридоре никого нет? — я по-

вернула к нему голову, стараясь, чтобы мой собственный шепот звучат как можно тверже.

— Мой зверь чувствует каждый вздох в радиусе пятидесяти ярдов, Диана, — Люциан коротко, хищно усмехнулся, и его ноздри едва заметно дрогнули, жадно втягивая воздух. — Здесь пахнет только старой пылью, формалином из его лаборатории и... тобой. Морозной хвоей. Твой запах — единственный чистый ориентир в этой тухлой академии. Идем. Время тикает.

Парень сделал легкий, абсолютно бесшумный шаг вперед, двигаясь с той пугающей, кошачьей грацией, которая выдавала в нем сильного хищника. Я поспешила за ним, вжав голову в плечи.

Мы остановились перед массивной дубовой дверью, сплошь покрытой сложной вязью защитных рун. Серебряные линии заклинаний тускло светились в полумраке, переплетаясь в узоры, призванные выжечь разум любому, кто попытается коснуться замка без разрешения хозяина. Это была ментальная защита высшего порядка — специализация профессора Вейна.

— Ну и как мы это откроем? — я нахмурилась, разглядывая руны сквозь стекла очков.

Мой дар некроманта сейчас спал, но зрение медиума отчетливо видело, как вокруг дверной ручки клубится плотная, агрессивная серая дымка.

— Если я коснусь этого, руны закричат на всю академию.

— Для этого у тебя есть я, — Люциан лениво отодвинул меня плечом, заставляя сделать шаг назад.

Он протянул свою огромную ладонь к серебряной вязи. Я испуганно затаила дыхание, ожидая вспышки боевого пламени, но Люциан даже не поморщился.

На долю секунды его пальцы удлинились, человеческие ногти с тихим щелчком превратились в острые, антрацитово-черные когти оборотня. Он с силой вонзил их прямо в центр рунного круга, игнорируя летящие во все стороны искры ментальной отдачи.

Его зверь просто выжигал чужую магию своей собственной, первобытной яростью живой крови. Серебряные линии защитных рун натужно затрещали, побледнели и со звоном разбитого стекла погасли, растворяясь в воздухе. Замок с тяжелым щелчком поддался.

— Прошу, мышка, — Люциан дерзко поклонился, открывая передо мной дверь и пряча когти обратно в ладонь. На его коже остались легкие ожоги от серебра, но он даже не взглянул на них.

Мы быстро проскользнули внутрь, и Люциан бесшумно прикрыл за нами тяжелую створку.

Кабинет профессора Вейна больше напоминал анатомический театр, смешанный с алхимической лабораторией чернокнижника.

Вдоль стен тянулись бесконечные стеллажи из темного дерева, уставленные стеклянными банками, в которых в мут-

ном желтоватом растворе плавали жуткие экспонаты: высушенные сердца магических тварей, заспиртованные младенцы химер и переплетенные корни ядовитых растений.

В центре комнаты стоял массивный письменный стол, заваленный ворохом пергаментов, а над ним, подпирая потолок, возвышался огромный астрономический прибор из почерневшей латуни, похожий на паука.

Воздух здесь был настолько плотным и холодным, что от каждого моего вздоха поднималось белое облачко пара. Но хуже всего было другое — сквозь стекла очков я видела, что вся комната буквально пронизана тонкими, вибрирующими фиолетовыми нитями. Это были эманации недавней смерти. Очень сильной, концентрированной смерти.

— Люциан... — я позвала его, чувствуя, как кожа на затылке мгновенно покрывается мурашками. — Здесь пахнет им. Эриком. Мой дар чувствует его след. Он был здесь перед тем, как подняться на башню.

— Знаю, — Люциан уже был у противоположной стены, где за тяжелой бархатной портьерой скрывалась узкая железная дверь, ведущая во внутреннюю лабораторию профессора.

Его темные глаза горели диким, золотистым огнем, а ноздри хищно трепетали.

— Мой нюх разрывается от этого запаха. Горький вишневый парфюм Торна, запах его крови... и ваниль. Странно. Откуда здесь взяться ванили? Вейн не балуется столичными

сладостями.

Я подошла к письменному столу, лихорадочно перебирая бумаги. Мои пальцы в чернильных пятнах быстро перелистывали лекционные планы, списки студентов, отчеты для министерства.

Ничего. Обычная профессорская рутина. Но мое внимание привлекла небольшая серебряная чернильница в форме черепа, стоявшая на самом краю столешницы. Под ней виднелся край небольшого, обгоревшего клочка пергамента.

Я аккуратно вытянула его. На бумаге тем же нервным, убористым почерком, что и в найденном мной дневнике некроманта, было выведено всего несколько слов:

«Сосуд готов. Искра боевого мага стабильна. Нам нужно только сердце, чтобы сорвать печать с нижних казематов. Полнолуние станет точкой невозврата. Ищи полумесяц...»

Пальцы судорожно сжали пергамент. Копия. Это были инструкции для ритуала. Вейн действительно вел Эрика на убой. Он планировал использовать его сердце, чтобы открыть врата мертвых под академией Грейвуд. И это должно произойти в Вальпургиеву ночь — в момент лунного затмения, которое наступит уже очень скоро.

— Диана, иди сюда! Нашел! — глухой, взволнованный шепот Люциана донесся из-за портьеры.

Я поспешно спрятала клочок пергамента в карман и бросилась к нему. Железная дверь лаборатории была приоткрыта. Внутри царил абсолютный, первозданный мрак, нарушае-

мый лишь слабым, зловещим пульсирующим свечением, исходящим из глубины комнаты.

Мы вошли в лабораторию на цыпочках. Пространство здесь было сужено до предела — вдоль стен стояли огромные чаны с бурлящими алхимическими растворами, от которых поднимался тяжелый, едкий пар. В самом центре лаборатории на каменном постаменте покоился массивный стеклянный колпак, защищенный целым каскадом удерживающих рун.

И внутри этого колпака, подвешенное на невидимых магических нитях, медленно покачивалось **человеческое сердце**.

Оно не было мертвым. Оно продолжало жить своей собственной, жуткой сверхъестественной жизнью. Раз в несколько секунд оно судорожно сжималось, и тогда по его сосудам пробегали яркие, фиолетово-золотые искры — остатки колоссальной боевой магии Эрика Торна. Каждое такое сокращение отзывалось в моей голове глухим, вибрирующим набатом мертвой силы, от которого очки едва не сползали с переносицы.

— Боги... это действительно сердце Эрика, — мой шепот сорвался на выдох.

Я прикрыла рот ладонью, чувствуя, как к горлу подступает тошнотворный ком.

— Вейн забрал его. Он держит его здесь для ритуала.

Люциан сделал шаг к постаменту, его широкие плечи на-

пряглись, а челюсти сжались так, что на скулах заиграли желваки. Его зверь внутри рвался наружу, готовый разбить стекло и вырвать артефакт, уничтожив осквернение стаи.

— Нам нужно забрать его сейчас, Диана, — Люциан протянул руку к колпаку, его янтарные глаза горели опасной, решительной яростью. — Без сердца ритуал сорвется, и мы сможем прижать Вейна к стене на глазах у министерских ищеек.

— Нет, стой! Не трогай! — я судорожно схватила его за запястье, останавливая в каком-то дюйме от защитного контура.

Кожа Люциана была обжигающе горячей, и это прикосновение на секунду вернуло мне способность мыслить трезво.

— Смотри на руны у основания. Это сигнальная ловушка «Мертвая петля». Если ты разорвешь контур, Вейн узнает об этом в ту же секунду, где бы он ни находился. И железные двери этой лаборатории запрутся намертво, превращая нас в подопытных крыс. Мы не сможем выбраться.

Люциан замер, тяжело вздымая грудь. Его взгляд метался от бьющегося сердца к сигнальным рунам. Он понимал, что я права. Капкан был готов захлопнуться, и один неверный шаг стоил бы нам жизней.

Конфликт между его дикой животной яростью и моей холодной детективной логикой сейчас вибрировал в воздухе лаборатории с такой силой, что, казалось, стены вот-вот треснут от этого напряжения.

Мы нашли логово убийцы, нашли главное доказательство его вины, но забрать его прямо сейчас означало подписать себе смертный приговор.

ГЛАВА 13. Замкнутый круг

Люциан

Тяжелый, ритмичный стук каблуков по гранитному полу коридора донесся до моего слуха задолго до того, как его смог бы уловить любой другой маг в этой проклятой академии. Шаги были уверенными, медленными и жуткими — так ходит человек, который точно знает, что за спиной у него стоит сила самой смерти.

Профессор Вейн возвращался со своего экстренного совещания на несколько минут раньше, чем обещал декан боевиков. Капкан захлопывался с пугающей скоростью.

— Сюда, быстро! — я мертвой хваткой вцепился в тонкое запястье Дианы, увлекая её прочь от бьющегося под стеклянным колпаком сердца Эрика Торна.

Её кожа под моими пальцами была ледяной, словно она сама уже наполовину превратилась в одного из своих любимых призраков.

Девчонка даже не пикнула. Сквозь толстые стекла круглых очков, которые от едкого алхимического пара лазарета окончательно покрылись испариной, она испуганно оглядывала темные углы лаборатории.

Бежать через парадный вход было самоубийством — мы бы вылетели прямо в объятия профессора тёмных искусств. Окна здесь были узкими, стрельчатыми бойницами, забранными тяжелыми железными решетками. Единственным укрытием во всей этой зловещей комнате оказался массивный, обитый потемневшей от времени латунью шкаф для хранения редких ингредиентов и ядов, стоявший в глубокой нише за портьеры.

Я рванул на себя тяжелую дубовую створку, пахнувшую формалином, сушеной цикутой и старой кожей. Силой запихнув Диану внутрь среди банок с мерцающими растворами, я втиснулся следом и с тихим, едва слышным щелчком притянул дверь обратно, оставляя лишь крошечную, в волос толщиной щель между створками.

Пространство внутри шкафа сузилось до абсолютного, удушающего минимума. Оно словно схлопнулось вокруг нас, превращаясь в крошечную деревянную клетку, где каждый сантиметр был на вес золота.

Я оказался прижат к Диане практически вплотную. Мои широкие плечи упирались в заднюю стенку шкафа, заставляя меня инстинктивно податься вперед, нависая над ней всей своей массой. Её маленькая, хрупкая фигура оказалась буквально впечатана в мою грудь.

Её голова, увенчанная растрепанными льняными волосами, едва доставала мне до подбородка. На таком расстоянии я слышал всё: как бешено, со скоростью испуганной химе-

ры, колотится её сердце под слоями вязаной шерсти, как со свистом застревает воздух в её маленьком горле и как мелко, лихорадочно дрожат её тонкие плечи.

Но хуже всего был запах. В этом замкнутом, темном пространстве, лишенном сквозняков, все посторонние ароматы лаборатории — гниль, формалин, полынь — мгновенно отступили на задний план.

Мои ноздри, обостренные приближающимся полнолунием до предела, жадно и безумно впитывали её чистый, концентрированный след. Морозная хвоя, терпкие страницы старых архивных книг и едва уловимый, пугающий шлейф могильного холода. Для моего внутреннего волка этот коктейль стал настоящим детонатором.

Зверь внутри моей головы сошел с ума. Он заскреб когтями изнутри по ребрам, требуя немедленно зарычать, сбросить эту чертову человеческую шкуру, которая сейчас казалась мне тесной испанской кандалой, и признать эту девчонку своей.

Навсегда. По праву крови и инстинктов.

Мой серебряный амулет был сломан, магия подавления сгорела ночью, и теперь контролировать волка в такой близости от Дианы было чистой, изнуряющей пыткой. Мышцы спины судорожно свело, челюсти сжались так, что зубы заскрипели, а под кожей предплечий, прямо поверх багровых царапин, начала медленно, волосок за волоском, прорастать жесткая черная шерсть.

Глаза жгло огнем — я знал, что мои зрачки сейчас наверняка горят диким, янтарным волчьим блеском в абсолютной темноте шкафа.

«Держись, скотина, только не сейчас», — мысленно приказал я сам себе, до боли кусая изнутри собственную щеку.

Металлический привкус крови во рту немного отрезвил зверя, но не убрал того бешеного, животного тепла, которое волнами исходило от моего тела, заполняя шкаф удушающим жаром оборотня.

Диана почувствовала это мгновенно. Она испуганно вскинула голову, и её круглые очки уперлись прямо в воротник моей белой рубашки. В полумраке, пробивающемся сквозь щель двери, её серые глаза казались огромными, бездонными омутами, в которых отражался мой собственный янтарный блеск.

Она видела, как трансформируется мое лицо, видела, как мои пальцы, упершиеся в деревянную полку над её головой, медленно превращаются в когти.

Любая другая девчонка уже забилась бы в истерике или лишилась чувств от страха перед монстром. Но Диана Стоун лишь сильнее сжала свои бледные губы. Она медленно, невероятно осторожно подняла свои маленькие ладони и уперлась ими мне в грудь, пытаясь удержать между нами хотя бы дюйм расстояния.

Её пальцы излучали чистый, концентрированный холод некромантии. Этот холод прошил ткань моей рубашки, вон-

заясь прямо в сердце, и... о боги, это было блаженство. Магия смерти Дианы действовала на моего разбушевавшегося волка как ледяной душ на горящее здание.

Зверь внутри притих, удивленно прижав уши, его ярость начала медленно оседать под воздействием этого могильного покоя. Мы словно замкнули круг: мое животное тепло согревало её замерзшую суть, а её леденящий дар усмирял моего монстра.

Между нами вспыхнула такая искра, от которой воздух в шкафу стал сухим и наэлектризованным. Это было неправильно, безумно, противоестественно, но я впервые в жизни не хотел, чтобы это заканчивалось.

Тяжелая дубовая дверь лаборатории со скрипом отворилась снаружи, обрывая эту звенящую тишину.

В комнату вошел профессор Вейн. Сквозь щель в створках шкафа я видел его длинный, черный силуэт, силуэт палача. Он шел медленно, шурша полами своей мантии, расшитой серебряными знаками ментального подавления.

Его лицо, бледное, с резкими, ястребиными чертами и холодными, как у рептилии, глазами, не выражало ничего, кроме ледяной сосредоточенности. Он подошел прямо к письменному столу, бросив на него кожаный портфель с министерскими бумагами, а затем повернулся к стеклянному колпаку, под которым продолжало судорожно биться сердце Эрика Торна.

— Скоро, — негромко, скрипучим голосом произнес

Вейн в пустоту лаборатории, и от его слов фиолетовые нити смерти вокруг постамента за вибрировали сильнее. — Луна заходит в тень. Врата откроются, и полумесяц займет свое законное место. Нам никто не помешает. Ни живые... ни мертвые.

Диана рядом со мной судорожно вздрогнула при этих словах, её пальцы непроизвольно сжали ткань моей рубашки на груди, скомкав её в кулаках. Она слышала подтверждение нашей теории. Вейн не просто прятал улику, а был тем самым кукловодом, который вел эту кровавую игру.

Он ждал Вальпургиеву ночь, чтобы принести сердце боевика в жертву нижним казематам Грейвуда.

Профессор медленно повернулся в сторону нашего укрытия. Его холодный, рептилий взгляд скользнул по бархатной портьере, переместился на латунные оковы шкафа.

Он словно что-то почуял — его ментальные щиты, развитые до предела, уловили чужеродное присутствие или те остатки волчьей ярости, которые я так отчаянно пытался загнать обратно в глотку. Вейн сделал медленный, бесшумный шаг в нашу сторону. Его длинные пальцы потянулись к карману мантии, где, я знал, лежал его ритуальный жезл.

Я почувствовал, как Диана внутри моих рук полностью замерла, перестав даже дышать. Когти на моих пальцах вытянулись на полную длину, готовые выбить дубовую створку шкафа и вцепиться в горло профессору тёмных искусств в ту же секунду, как он посмеет открыть дверь.

Если битва неизбежна — я приму её здесь, в этой тесной лаборатории, и разорву этого ублюдка до того, как его ментальная магия коснется моей некромантки.

Мой волк приготовился к смертельному прыжку, и это напряжение вибрировало между нами, словно натянутая до предела тетива лука.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.